

В ДЕТЕКТИВАХ
ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ
НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

Ольга
Володарская

ИСПОВЕДЬ ОТШЕЛЬНИКА

Annotation

Они называли себя сестрами – обитательницы реабилитационного центра для жертв домашнего насилия. Все сестры были разными. Супруга богатого мусульманина, которого она увела из семьи, но так и не построила своего счастья на чужом несчастье. Перезрелые дочери деспотичных родителей, лишённые права на личную жизнь. Продавщица с рынка, над которой издевался горячо любимый сын. И даже начинающая актриса, проникшая в центр, чтобы подготовиться к главной роли своей жизни...

Но настал день, когда у сестер появился брат – Антон. В прошлом поп-звезда, в настоящем – подкаблучник, запуганный своей влиятельной супругой. И едва центр приютил его, как одна из его обитательниц погибла. На первый взгляд покончила с собой, но на второй...

Ольга Володарская

Исповедь отшельника

© Володарская О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Лора ненавидела групповые сеансы психотерапии. Но вынуждена была их посещать. Как и все остальные женщины, находящиеся под опекой центра поддержки жертв домашнего насилия «Сила духа». На данный момент группа состояла из двенадцати женщин. Лора не сблизилась ни с одной. Она держалась особняком всю неделю своего пребывания в центре. Тогда как остальные много общались друг с другом. И на сеансы ходили с удовольствием. Сейчас, в ожидании доктора Назарова, который проводил эти сеансы, женщины смеялись, обсуждая сюжет какого-то комедийного сериала. Лора же сидела с каменным лицом. Но сегодня не только она. Еще одна пациентка не принимала участия в общем разговоре и не улыбалась. Смотрела перед собой и иногда нервно облизывала губы. Лет ей было совсем немного, двадцать три, максимум двадцать пять, но выглядела она изможденной и неухоженной. Лицо с правильными чертами бледное, почти серое, длинные смоляные волосы собраны в неопрятную косу, ногти обкусаны до крови.

– Томочка, что с тобой? – обратилась к ней одна из женщин, та, что сидела рядом, заметив, что ее товарка сама не своя.

Томочка то ли не услышала вопроса, то ли сделала вид, что не слышит. Но от соседки, которую, как помнила Лора, звали Зоей, было не так просто отделаться. Она схватила Тому за плечо и встряхнула со словами:

– Эй, ты в порядке?

Тамара не просто вздрогнула, она подскочила на стуле. И едва с него не свалилась. Большинство обитательниц центра пугались резких движений, звуков, а тем более грубых прикосновений. Зое следовало бы вспомнить об этом перед тем, как хватать Тому за плечо.

– Прости, прости, – зашептала она и принялась поглаживать Тамару по руке, но та вскочила со стула и убежала. Судя по ходящим ходуном плечам, она рыдала.

Теперь уже все обратили на нее внимание и прекратили свой веселый гомон. Когда Тома скрылась за дверью, одна из женщин проговорила:

– Психанула-таки. А я все ждала, когда сорвется.

– Она же на поправку пошла, – заметила Зоя. Сорокапятилетняя боевая и говорливая продавщица на первый взгляд никак не походила на жертву домашней тираннии. Лоре казалось, что как раз такие, как она, всегда дадут отпор. Но сама видела шрамы на теле Зои (душевая была общей). И давно побелевшие от времени, и поджившие, розовые, и свежие, едва зарубцевавшиеся.

– Муженек ее объявился вчера. В ноги упал. Просил простить. Она прогнала, впервые сказала «нет», да твердо, как нас учили, но было видно, что жалеет об этом.

Женщина хотела добавить еще что-то, но тут в дверях, которые еще пару минут назад захлопнулись за Томой, появился доктор Сергей Игоревич Назаров.

В этого мужчину были немного влюблены все обитательницы «Силы духа». Даже Лора. Хотя первое время она мысленно фыркала, слыша охи-ахи своих сестер по несчастью, но вскоре сама попала под обаяние доктора.

Сергею Игоревичу было хорошо за сорок. А возможно, и полных пятьдесят. Среднего роста и комплекции, Назаров умудрялся казаться внушительным. Возможно, дело было в

крупной голове, покрытой густой седой шевелюрой, и руках, которые, сожми он в кулаки, будут похожи на два средних капустных кочана.

Лицом Сергей Игоревич явно не вышел. Черты были негармоничны: нос слишком большой, а глаза, напротив, – маленькие, к тому же близко посаженные. Только рот хорош: губы красивой формы, белоснежные зубы, а улыбка такая ласковая, что нельзя на нее не ответить. Зоя уверяла, что Назаров похож на Ричарда Гира. И многие с ней соглашались, потому что он был так же обаятелен, пусть и не настолько красив.

– Здравствуйте, мои дорогие, – поприветствовал доктор своих подопечных, одарив каждую медовой улыбкой. – Как ваше сегодняшнее настроение?

И женщины защебетали. Все, кроме Лоры, разумеется. Она продолжала сидеть молча, закинув ногу на ногу и скрестив руки. Полностью закрылась. Но Назарову коротко улыбнулась. Ответила на его приветствие.

Лора попала в центр неделю назад. Случайно. Бежала ночью по улице в одной рваной пижаме и домашних тапках, размазывая по лицу кровь, сочащуюся из носа и разбитой губы. За ней давно никто не гнался, но Лора не могла остановиться. Ей хотелось убраться как можно дальше от дома. Когда сил совсем не осталось, Лора плюхнулась на лавку возле какого-то неприметного здания. Температура стояла нулевая, но разгоряченное после бега тело не чувствовало холода. Или всему причина шок? Потому что и нос не болел, хотя муж саданул по нему с такой силой, что раздался хруст.

Мужа звали Мансур. Что в переводе с арабского «Победитель».

И выглядел он соответственно. Статный, красивый, породистый, не просто ходил – носил себя. Мансур родился и вырос в Сирии. В СССР, когда Союз уже трещал по швам, но еще держался, приехал учиться. Окончив институт, поступил в аспирантуру, но вскоре плюнул на кандидатскую степень, занялся бизнесом, в котором очень преуспел. На момент знакомства с Лорой Мансур считался богатым человеком. Она же...

Она считалась красивой!

При том что в принципе красавицей не была. Идеальная фигура с умопомрачительно длинными при невысоком росте ногами и грудью четвертого размера при талии шестьдесят два сантиметра, да губы зовущие, вот и все, чем Лора располагала. Лицо посредственное, с невнятными чертами. На таком, как говорят гримеры, рисуй, что хочешь. Что девушка и делала. Она умела наносить макияж так, что ее скулы становились ацтекскими, нос греческим, а глаза и вовсе марсианскими. Мансур, увидев Лору в ночном клубе, куда она с подружками гоняла каждую субботу, чтобы подцепить кого-то стоящего, так и сказал ей:

– Вы будто с другой планеты сюда попали. Неужто с Марса?

Лора скупно улыбнулась ему. Широко не могла, у нее тогда пломба на переднем зубе выпала. А поскольку она на тот момент нестерпимо хотела в туалет, то тут же ретировалась. Мансур, привыкший к тому, что если не его красота, то дорогой костюм и часы производят на барышень сногшибательное впечатление, заинтересовался «марсианкой» еще больше. И когда она вернулась в зал, бросился к ней с просьбой выпить с ним самого дорогого из имеющегося в баре заведения шампанского.

Лора не отказала. Мансур ей понравился. Тогда только лишь понравился, полюбила она его позже. А в их первую встречу Лора думала только о том, как завидуют ей сейчас подружки. Дело в том, что в тот день она явилась в клуб в обществе моделей, пусть и начинающих, а ей путь на подиум был заказан из-за роста. Если Лора надевала высоченные каблуки, то догоняла подруг. Но ведь и они носили не кеды. Поэтому, когда подруги

появлялись где-то вместе, Лора терялась на фоне высоченных, донельзя в себе уверенных моделей и считала себя гадким утенком. Впрочем, как и они ее. Смотрели свысока, иногда отпускали шуточки. И вот пришел час расплаты. Лора всем им утерла нос!

Из клуба она поехала к Мансуру. Он пытался ласкать девушку уже в машине, но Лора убирала руки ухажера, едва они опускались ниже груди. А все потому, что ее мочевого пузыря вновь стал настойчиво напоминать о себе. Лора грешила на цистит, стояла зима, а она отправилась в клуб в ультрамини и, пока на фейсконтроле стояла, изрядно продрогла. Но позывы эти оказались предвестниками внеплановых месячных, которые начались во время полового акта. Мансур был поражен! Он решил, что ему досталась девственница, и едва ли не плакал, прося у Лоры прощения за то, что сорвал цветок ее невинности.

– Ты не виноват, – успокоила его Лора. – Я решила, что ты станешь первым моим мужчиной, едва увидела...

– За что мне такая честь?

– Я полюбила тебя.

И Мансур ей поверил!

А вслед за ним и Лора поверила самой себе...

Потому что нельзя было не полюбить этого необыкновенного мужчину.

Казалось, он соткан из одних достоинств: красив, умен, богат. А еще ласков, сентиментален, заботлив. И любовник хороший, хоть и не выдающийся. Бывали у Лоры и получше, но у тех ни гроша за душой, ни перспектив, ни серьезных намерений. А Мансур уже через месяц перевез ее к себе.

Жизнь под крылом богатого мужчины первое время казалась Лоре райской. Она могла наконец позволить себе то, о чем всегда мечтала: брендовые шмотки, украшения, дорогие салоны красоты с их волшебными процедурами, типа «ванны Клеопатры» или «маски Афродиты». У Лоры появился личный фитнес-тренер и шофер. Бардак за ней убирала горничная, она же готовила завтрак. От Лоры требовалось совсем немного: быть красивой, верной и благодарной. Причем последнее так же важно, как первое и второе. Мансур не любил людей, которые воспринимали как должное то, что он им давал. Поэтому, когда Лора обнаглела, это рано или поздно случается со всеми юными красотками, дорвавшимися до денег своих покровителей, ее едва не выставили за порог. К счастью, обошлось. Лора смогла подлизаться к Мансуру, а впредь стала вести себя умнее. Уж чем-чем, а мозгами ее бог не обидел.

Их отношениям исполнилось два года, когда Лора заговорила о свадьбе. Жизнь, которая на начальном этапе казалась фантастически интересной, теперь стала обыденной. Да, шмотки, да, украшения, да, салоны... Но «ванна Клеопатры» – это всего лишь бадья с дешевым молоком, а «маска Афродиты» – паста из алоэ и каланхоэ. Что же касается личного тренера, то его, чемпиона России по бодибилдингу, Мансур быстро заменил на толстую преподавательницу танца живота, а шофера науськал следить за каждым шагом своей возлюбленной. Только горничная продолжала радовать Лору, она не только изумительно справлялась со своими обязанностями, но была еще очень милой и веселой, и женщины подружились. Однако и с ней пришлось расстаться. Мансур застукал горничную за мелкой кражей и уволил.

– Тебе жаль бутылки жидкого стирального порошка? – недоумевала Лора, пытаясь заступиться за приятельницу. – Если да, вычти у нее из зарплаты...

– Я платил этой женщине хорошие деньги, и она вполне могла себе купить средство для

стирки. Но она предпочла кражу. Значит, нечиста на руку. Мне такие люди в доме не нужны.

Вместо молодой, милой и веселой Мансур взял старую, угрюмую таджичку. Единоверку. Ей он доверял.

Лора захандрила. Что это за жизнь? Да, благополучная, но... Скучная – ладно. Лучше скучать, лежа в ванне с теплым молоком и с кашей из алоэ на физиономии, чем стоя в поту за плитой – Лора отучилась на повара в техникуме. Хуже то, что будущее не определено. Ближайшее, возможно, но надо и о далеком думать. Лора не молодеет, ей УЖЕ двадцать четыре, и через пару-тройку лет Мансур, которому сейчас ВСЕГО тридцать пять, найдет себе овечку посвежее. Но это так... Трезвые расчеты. Объективная реальность. А если субъективно и эмоционально... Лора хотела замуж за Мансура, потому что любила и хотела от него детей.

Сначала она намекала ему на это. Потом начала говорить открытым текстом. Мансур качал головой и неизменно отвечал, что его все устраивает, и удивлялся, почему не устраивает ее.

– Нам так хорошо вместе, хабибти^[1], зачем портить все этим дурацким штампом в паспорте? – слышала Лора в ответ на свои просьбы отвести ее в загс.

– Почему он все испортит? – недоумевала она.

– Так всегда бывает. Женщина начинает считать мужчину своей законной добычей, иначе говоря, собственностью, и либо расслабляется, превращаясь в клушу, либо шалает от власти над благоверным и становится акулой.

– Какие глупости!

– Я дольше живу на этом свете и видел побольше твоего. Поэтому не хочу официального брака.

– Но я мечтаю о детях. Я созрела морально. А физически скоро перезрею. У нас в России двадцатипятилетние уже старородящими считаются.

– Так давай заведем беби. Я не против. Даже за. Надеюсь, он будет, как и мама, марсианином.

– Родить ребенка вне брака? Ну уж нет, мне не позволяет воспитание! – решительно возражала Лора. Нашел дурочку! Она родит, потеряет форму (потом восстановит, конечно, но не сразу же), а он найдет себе новую хабибти, и Лора останется одна с ребенком на руках. И будет потом клянчить денежку на содержание сына или дочки, и не факт, что получит.

В двадцать пять Лора поставила вопрос ребром. Или женимся, или расстаемся. Мансур закатил истерику похлеще бабской. Он то кричал, то плакал, то заламывал руки, то яростно колотил кулаком в стену, разбивая костяшки в кровь. В итоге рубанул: «Я не позволю собою манипулировать!» – и указал Лоре на дверь. И она ушла. Со всеми вещами. Их, как ни странно, оказалось немного. Всего два чемодана шмоток (вещи из прошлогодних коллекций она раздавала менее удачливым подругам, среди которых были и модели) и сумочка с украшениями. Вот и все. Не нажила за три года ни квартиры, ни машины. Даже счета не открыла. Поэтому со всем своим скарбом вернулась к родителям.

Лора, конечно, ждала, что Мансур за ней примчится в тот же день. Максимум на следующий. Допускала, что случится это и через неделю. Но то крайний срок. Однако любимый не давал о себе знать месяц. Лора уже смирилась с тем, что потеряла его навсегда, как Мансур объявился...

Сказал, был на родине все это время. Он и раньше ездил в Сирию, причем всегда без Лоры. Но обычно не задерживался там дольше чем на неделю.

– Пришло время сказать тебе правду, – вздохнул Мансур. – Я давно женат. Невесту мне нашли родители, когда я еще в аспирантуре учился. У меня есть сын, а теперь и дочь. Супруга родила ее две недели назад.

Почему-то Лора не удивилась. У нее были такие мысли, но она гнала их прочь.

– Правильно мне бабушка говорила, с нами вы только гуляете, а женитесь на своих, – произнесла она бесцветным голосом.

– Нет, это не так. Если б я встретил тебя раньше, до того как женился, ты стала бы моей избранницей. Я сделал бы тебя своей супругой даже против воли родителей, но... – Он развел своими красивыми руками в дорогих перстнях – с годами Мансур стал питать слабость к золоту и камням. Впрочем, как большинство его собратьев. – У меня уже был сын, когда начались наши с тобой отношения. Я не мог бросить его. У нас так не принято.

– А врать той, что подарила тебе свою невинность? Что любила тебя? И ждала несколько лет... – Голос сорвался. Лора не играла. Она искренне убивалась. А в то, что досталась Мансуру девственницей, поверила и сама.

– Ради тебя я остался в России. И из-за тебя не привез семью сюда. Ты моя русская жена. Я предложил бы тебе стать второй, нам, как ты понимаешь, можно, но знаю, ты не согласишься.

Дальше последовали признания в любви, страстные поцелуи, скупые слезы...

Мансур уговорил Лору вернуться. Но она поставила условие:

– Ты покупаешь мне квартиру. Жить я в ней не буду, сдам, а деньги, полученные от аренды, стану переводить в валюту и перечислять на банковский счет. Так у меня хотя бы какая-то финансовая гарантия будущего появится. Согласен?

Он не стал спорить или торговаться. Согласился сразу.

И они зажили как прежде... Почти как прежде.

Лора не успела оглянуться, как ей исполнилось тридцать. Она по-прежнему любила Мансура и все еще хотела от него ребенка. У них получился бы невероятно красивый мальш, она была в этом уверена. Пусть вне брака, Лора уже и на это была согласна. У нее есть квартира и счет в банке. Проживут, если что. И она перестала предохраняться. Через три месяца забеременела. О чем сообщила любимому. И тот был искренне рад новости. Подарил Лоре кольцо. Она, пару раз надев его, отнесла в банк и положила в ячейку вместе с остальными драгоценностями. Лора называла это «материнским капиталом».

Увы, выносить ребенка не удалось. У Лоры случился выкидыш на третьем месяце. Спустя два года еще один. А супруга Мансура тем временем родила очередного сына, а когда в Сирии стало беспокойно, приехала со всем семейством в Россию.

Лору отселили. Но не оставили.

Мансур заезжал к ней чуть ли не каждый день. Говорил, что не может без нее. На самом же деле проверял, одна ли она. То есть приезжал без предупреждения. И если не заставал дома, устраивал скандал. Считал, что Лора должна сидеть и ждать своего господина. По мнению Мансура, женщина, разменявшая четвертый десяток, не должна ходить вечерами по ресторанам, а уж тем более ночами по клубам. Вязать, сидя у телевизора, и смотреть мелодрамы, да. А если и выходить в свет, то днем и в компании своего хабиби.

Устав от упреков и от самого Мансура, Лора уехала на все лето на Кипр. Думала дней десять отдохнуть на море, позагорать, покупаться, но познакомилась там с русской парой, державшей ресторан на берегу, устроилась к ним поваром. Так, возможно, и осела бы в этой солнечной республике, если б не Мансур. Нашел он свою хабибти. Прилетел на Кипр, упал в

ноги и сказал то, что Лора десять лет мечтала услышать:

– Выходи за меня!

– Но ты же женат.

– Разведусь. Я не могу без тебя.

И она ему верила. За те три месяца, что не виделись, Мансур похудел, осунулся. Лора тоже страдала без него. Она любила своего «Победителя».

Они вернулись в Россию вместе. Но поженились только через полгода. Чего Мансуру стоил развод, Лора могла только догадываться. Он не посвящал ее в свои проблемы и переживания. Но она видела, как ему тяжело. Он плохо спал, мало ел, зато начал много пить, хотя раньше употреблял чисто символически...

И все же наступил тот день, когда Мансур и Лора поженились!

Это была скромная свадьба, на которой присутствовало всего пятеро гостей: родители невесты, две ее подруги и помощник жениха, выступивший свидетелем. Не о таком торжестве Лора мечтала, но радовалась и скромной церемонии. Она добилась своего – Мансур теперь ее.

Поскольку из дома он ушел, как говорится, с одним чемоданом, то жили они в той самой небольшой квартире, купленной Лоре. Но народная мудрость гласит, что с милым и в шалаше рай, а у них имелась вполне приличная двушка, пусть и малогабаритная. То, что Лора лишилась машины с шофером, тоже не особо расстраивало. Она отучилась на права и купила себе маленькую, юркую «корейку». Дешевую, чтобы не жалко было бить. Рассчитывая, что впоследствии Мансур обязательно приобретет для нее авто представительского класса.

В раю влюбленные прожили до обидного мало. Пару месяцев. Потом начались проблемы. Сначала в бизнесе. Затем в семье. В той семье, которую Мансур оставил. Сын, уже взрослый парень, связался с дурной компанией, и его нужно было спасать, дочка не ладила с одноклассниками, а малыш никак не мог привыкнуть к суровому российскому климату и хворал не переставая. Лора подозревала, что не так все драматично и обстановку нагнетает бывшая жена. Хочет вернуть мужа, а если не выйдет, хотя бы завладеть его вниманием.

В общем, все шло не так, как Лора представляла себе. И забеременеть у нее не получалось.

Впервые Мансур поднял на нее руку спустя полтора года после свадьбы. Пришел домой поздно. Был зол и пьян. Лоре бы оставить его в покое, но она так редко видела мужа в последнее время, что начала с ним говорить. Когда ей не ответили на пару вопросов – злиться.

– Зачем ты женился на мне? – вскричала она.

– Ты этого хотела, – пожал плечами Мансур и встал, чтобы налить себе виски.

– Я хотела не ЭТОГО! А нормальных отношений. Отношений, когда люди друг с другом разговаривают...

– Завтра поговорим. Сейчас я не в настроении.

– Как вчера и позавчера. Ты не тот человек, с которым я мечтала прожить до старости...

– А я предупреждал: штамп в паспорте все портит, – хохотнул он, но невесело.

– Я-то не изменилась. Не стала ни клушей, ни акулой. Это ты стал другим.

– Да! Потому что ты мне всю жизнь искалечила! – вскричал Мансур, опрокинув в себя содержимое стакана и шарахнув его об стену. – Я предал семью из-за тебя. И все полетело в тартарары. Аллах наказывает теперь не только меня, но и моих детей.

– Мансур, ты взрослый человек, и сам принял решение. Не вини меня.

– Ты ведьма! – Он ткнул ее пальцем в грудь. – Ты приворожила меня... Иначе как все объяснить?

Она отшвырнула его руку и развернулась, чтобы уйти, но ей не позволили.

– Ты хотела говорить, а теперь поворачиваешься ко мне задницей, – прорычал Мансур, схватив Лору за руку. – Нет, милая, так не пойдет. Ты затеяла этот диалог, изволь участвовать в нем.

– Да пошел ты...

Она не закончила фразу матом. Даже слово «задница» не употребила. Но Мансура взбесило и вполне невинное «да пошел ты...». Обозвав жену по-арабски, он ударил ее по лицу. Не кулаком – ладонью, но со всей силы. Рука у мужа была тяжелой, и Лора отлетела метра на два. Врезавшись в стену, она осела на пол.

Из разбитой губы потекла кровь. Из глаз слезы. Получив по лицу, Лора не столько испугалась, сколько удивилась. Мансур до этого не распускал рук. По стене мог кулаком шарахнуть или по столу. Телефон швырнуть или стакан. Пару раз при ней он дрался, отстаивая честь своей дамы, иначе говоря, ее, Лорину. Но ее саму не трогал никогда...

За них двоих испугался Мансур.

– Прости, прости, прости, хабибти, – зашептал он, бросившись к жене. – Девочка моя, я не хотел... – Муж упал на колени, обхватил ее лицо своими большими ладонями и начал целовать. – Хочешь, я отрублю себе руку, которую поднял на тебя?

Он плакал. Его слезы капали ей на лицо. В эти мгновения Лора любила мужа так, как никогда.

– Просто пообещай больше так не делать, – проговорила она, уткнувшись лицом в его грудь.

– Клянусь!

И она поверила. Хотя бабушка говорила, что тот, кто ударил один раз, ударит еще. Но Лора и в то, что Мансур на ней женится, не верила. А это свершилось. Народная мудрость – не догма. И Лора хотела своим примером доказать это.

Увы, не получилось...

Мансур поднял на жену руку спустя каких-то пару месяцев. Ударил не сильно. Поэтому Лора сделала вид, что этого не было. Тем более поутру супруг вел себя так, будто ничего вечером не произошло.

Но история стала повторяться. Теперь каждая серьезная ссора заканчивалась рукоприкладством. Мансур бил свою хабибти. Но наносил всего один удар. Рукой или ногой, как получится. Лора принимала его... Отлетала, сгибалась, падала... Когда как... Зачастую даже без крови обходилось, а синяки что, они вскакивают и от резкого соприкосновения с мебелью. И радовалась тому, что Мансур может остановиться.

И вот пришел день, когда муж перестал себя сдерживать. Он позволил своему внутреннему зверю завладеть собой. И это было страшно! Мансур с горящими ненавистью глазами лупил жену по лицу. Не кулаком, ладонью, но наотмашь. Он разбил ей губы, нос, но вид крови только распял его. Лора каким-то чудом смогла вырваться, порвав пижамную куртку, за которую Мансур держал ее.

Она выскочила в подъезд, муж за ней. Но Лора была в тапках, а он босой. И пока Мансур возвращался в квартиру для того, чтобы обуться, она успела выбежать на улицу.

В центр поддержки жертв домашнего насилия она попала случайно. Лора знала, что где-

то неподалеку от ее дома есть отделение полиции. Не видя иного выхода, решила направиться туда. Но когда выбилась из сил, плюхнулась на лавку возле некрасивого здания с красивой вывеской. Прочитав надпись на вывеске, Лора поразилась. Ноги сами привели ее туда, куда ей давно нужно было обратиться. И как после этого не верить в судьбу?

Но стояла ночь. И Лора не надеялась попасть внутрь. Она подергала за ручку, дверь была заперта. Хотела уже уйти. Потому что до утра сидеть под дверью в пижаме и тапках, когда на градуснике ноль, если не минус, она не могла. И тут Лора увидела звоночек. Ледяным пальцем, перемазанным в крови, надавила на него.

Через пару минут дверь ей открыла заспанная барышня. Это была Лидуся. Лоре же она виделась земным воплощением апостола Петра, который впускает праведных в рай. Увидев окровавленную женщину, Лидуся ахнула и втащила ее в фойе. Почувствовав себя наконец в безопасности, Лора осела на пол и потеряла сознание.

Глава 2

Софья наблюдала за Лорой вот уже три дня. Только за ней. Остальные женщины перестали для нее существовать, поскольку вели себя предсказуемо. А ей нужна была эксклюзивная жертва...

В «Силу духа» Софья Лапицкая, начинающая актриса, попала обманом. Выдала себя за другого человека – Ирину Потехину. Именно так звали героиню, которую Соне предстояло сыграть в новом фильме одного очень известного режиссера. Мэтра. Роль драматическая, сильная. За такую номинируют на серьезную премию. Это тебе не в проходных сериалах сниматься, чем, собственно, Соня занималась последние два года. Играла второстепенных персонажей в поточном «мысле». И вот ей выпал шанс. Можно сказать, один на миллион! Сняться в полном метре уже хорошо. У именитого режиссера – праздник. А уж в главной роли... Это просто чудо! Причем Соне даже ни с кем спать не пришлось, чтобы заполучить роль. Хотя она бы не побрезговала и этим. Но большое кино, как оказалось, – это не их «мыльная» клоака. Туда не через постель попадают, а по знакомству (если ты не звезда) или по большой удаче. И Соне повезло. Она прошла кастинг и понравилась режиссеру. Он сказал, что у Сони тело воительницы, а глаза жертвы. По его видению, именно такой должна быть главная героиня его нового фильма. Сильная на первый взгляд и слабая по сути. Жертва. В конце фильма она погибнет от руки горячо любимого, но постоянно избивающего ее мужа. Даст себя убить. И, уходя в мир иной, улыбкой поблагодарит своего палача. На этом, по замыслу режиссера, фильм и закончится. Лицо героини крупным планом. А затем титры...

За финальную сцену прежде всего актриса и получит награду. Если сыграет, как говорят у них, артистов, на разрыв. Вот только не была уверена Софья Лапицкая, что сможет. Она не понимала свою героиню. Она бы ни за что не дала над собой издеваться. Ее характеризовали не мягкие голубые глаза с опущенными уголками, которые она унаследовала от матушки, а литое, прокачанное тело, над которым она трудилась из года в год. От природы Соня была пухленькой. Опять же в родительницу. Но ростом пошла в папу. Вымахала почти до ста восьмидесяти сантиметров. А батю до двух метров не хватало пары сантиметров. Он в юности играл в баскетбол. В молодости метал молот. Чуть на Олимпиаду не попал, травма помешала. И крохотная мама крутила этим великаном как хотела. Отец даже голос на нее не повышал, не говоря уже о том, чтобы ударить. В их семье царил гармония, и Соня не могла понять, как это, жить с человеком, который тебя бьет.

Поэтому она и заявила в реабилитационный центр для жертв домашнего насилия, чтобы узнать психологию таких женщин. Она воспользовалась именем своей героини и ее историей. Сыграла Ирину Потехину. И весьма удачно. Ей поверили. Но Соня вела себя шаблонно. Как все: плакала, жаловалась, искала поддержки у других обитательниц «Силы духа» и смотрела в рот психиатру. А Ира выделась ей особенной. Она должна была себя вести не как все, но как, Соня не предполагала, пока не увидела Лору.

Эта женщина не была похожа на остальных. Держалась особняком. Не надменно, нет, отстраненно. Соня попыталась сблизиться с ней, но куда там. Когда с Лорой заговаривали, она отвечала односложно и, извинившись, уходила. Обычно в небольшой садик, разбитый во внутреннем дворе. Там не было лавок, только кустарник, деревца-недоростки и фонтанчик с пузатым Амуром, поэтому место не пользовалось популярностью у обитательниц центра. Все они много курили и говорили. Поэтому собирались в комнате отдыха, где были диваны и пепельницы.

– Ира, Ир, – услышала Соня шепот своей соседки, Марины Афанасьевны. Она так и представилась всем по имени-отчеству. Хотя была не самой взрослой. Просто пятнадцать лет в школе проработала.

– Что?

– Это, конечно, не мое дело, но... Ты вела бы себя поскромнее, а то просто неприлично так пялиться.

Соня с недоумением воззрилась на Марину Афанасьевну. Женщине не было еще и сорока, но выглядела она весьма солидно. Всему виной имидж: высокий пучок, бабушкины серьги, юбки годе. Классическая советских времен учительница пенсионного возраста. Лора даже предположить не могла, что сейчас такие экземпляры существуют.

– Не понимаю, о чем вы, – пробормотала Софья.

– Ты глаз с Лоры не сводишь. Пожираешь ее взглядом, можно сказать. Я человек толерантный и спокойно отношусь к однополым отношениям, но даже меня коробит твоё вожделение.

– Ну и фантазии у вас, Марина Афанасьевна! Я просто нахожу Лору очень интересной внешне. И она привлекает меня не как сексуальный объект, а как... э... модель, – довольно быстро нашлась Соня. – Я фотограф. И хочу снять Лору... Не в том смысле, в каком вы подумали. А в буквальном. На камеру снять хочу...

Марина Афанасьевна не поверила Соне. Но отстала, бросив скептическое: «Ну-ну!»

К счастью, групповая терапия уже закончилась, и Соня смогла уйти, не привлекая к себе внимания. Она была возмущена. Ее не в первый раз принимали за лесбиянку, но то были люди ее артистического круга, в котором царил культ бисексуальности. А тут какая-то старомодная училка...

Да что она себе позволяет?

Соне абсолютно не нравились женщины. Ее не тянуло к ним. Хотя один раз она занималась сексом с особой своего пола. Пришлось дать себя соблазнить даме-продюсеру, чтобы получить роль. Ей не понравилось. А ее партнерше и подавно. Потому что Соня лежала как бревно и не то что удовольствие получить – возбудиться не могла. В итоге роль она получила не ту, на которую претендовала, а эпизодическую, да еще за спиной шушуканье и хихиканье слушала около месяца.

Зайдя в спальню, которую она делила с четырьмя женщинами, Соня плюхнулась на свою кровать. Пробыть в центре она может еще пару дней. Тем, кто обратился за помощью, верят

на слово. И держат у себя неделю. Дают кров, кормят завтраками. Но если ты хочешь остаться на длительный срок, изволь предъявить документы, зарегистрироваться и внести вклад в общее дело. Если работаешь – деньгами. Нет – трудом. Уборка, готовка, стирка – все это обитательницы центра делали сами.

Основала центр «Сила духа» известная в России личность. Мира Салихова. Если верить официальной биографии, имя ей досталось от родителей-диссидентов, заморивших себя голодом в знак протеста в разгар перестройки, а фамилия от мужа, миллиардера, открывшего в те же годы несколько коммерческих бирж и банков. Муж Миры погиб в конце девяностых. Не был застрелен конкурентами, как могла бы предположить та же Софья, а скончался в результате несчастного случая. Мира унаследовала все активы супруга и на время исчезла. И когда о ней все забыли (супруги Салиховы несколько лет были самыми обсуждаемыми персонами в СНГ), вдова триумфально вернулась. Обанкротив несколько крупных предприятий, выставила свою кандидатуру на президентских выборах, затем сняла ее и вышла замуж за двадцатидвухлетнего актера. Спустя три года с ним развелась, скупила акции самого популярного в России мужского журнала, стала его главным редактором и снялась обнаженной для обложки. Еще через пять лет основала Дом моды имени себя и увела у голливудской звезды мужа. Наигравшись и с делом, и с телом, основала партию «Сила духа» (хотела «Миру – Мира!», но политтехнологи запретили). Тогда и открылся этот центр, наряду с другими – поддерживающими наркоманов, трудных подростков, людей с ограниченными возможностями и склонных к суициду. По сей день остался только этот, остальные закрылись, едва прошли выборы. Партия «Сила духа» набрала ничтожно мало голосов, и основательница посчитала, что нет больше смысла выкидывать столько денег на благотворительность. Центр поддержки жертв домашнего насилия остался действующим благодаря его директору Лолите. Она, будучи подругой Миры, смогла его отстоять.

В фойе центра висел портрет госпожи Салиховой. Выглядела она, на взгляд Сони, гротескно. Напоминала героиню голливудской комедии положений. Во многих из таких комедий есть второстепенный персонаж типажа Миры: бывшая королева выпускного бала, которую жизнь здорово потрепала, но не лишила главного, веры в себя. Она постарела, немного расплылась, перестала гнаться за модой, потому что для нее самое стильное и красивое то, в чем она когда-то блистала. Поэтому она втискивает свое уже далеко не безупречное тело в джинсовые шортики и майку с Микки Маусом. Начесывает волосы и носит массивные пластмассовые серьги. Слушает раннюю Мадонну и Долли Партон. Курит ментоловые сигареты и мечтает о прекрасном принце, который запаздывает как минимум на двадцать лет...

Мира не носила короткие шорты и сережки из пластмассы. Ее любимым модельером был Роберто Кавалли, а ювелирным домом – «Тиффани». Она вся сверкала, как рождественская елка. Стразами на одежде, золотом, бриллиантами, фарфоровыми зубами и гелем на волосах. В девяностые она выглядела бы шикарно в этом образе. Но времена изменились... А Мира, увы, нет.

Соня сунула руку под кровать и достала рюкзак. С ним она обычно путешествовала. Не любила чемоданы, они громоздки. С рюкзаком удобнее: закинул за спину и пошел. Можно вместо подушки опять же использовать, если, к примеру, рейс задержали. Этот рюкзак Соня купила в Индии. Он понравился ей своей вместительностью, ярко-рыжим цветом и наличием множества карманов. В одном из карманов сейчас лежал телефон. Соня достала его и включила. Когда аппарат загрузился, на экране появились значки сообщений и

неотвеченных вызовов. Основная масса последних была от агента. Поскольку по пустякам он свою подопечную не беспокоил, Соня сделала вывод, что связаться с ним нужно как можно скорее. Но в комнатах камеры, значит, нужно выйти за пределы здания.

Полежав пару минут, Соня лениво сползла с кровати и пошлепала на выход.

Камеры в спальнях, столовой, комнате отдыха и фойе были установлены после того, как одна из обитательниц центра покончила с собой. Она не повесилась или отравилась снотворным. А перерезала себе горло опасной бритвой. Чикнула по шее, когда все спали, и утром соседки по комнате обнаружили ее окоченевший труп. Было проведено расследование. Смерть была признана не насильственной. Но нервы полицейские потрепали всем обитателям центра, а также персоналу и даже владелице. Поэтому, во избежание подобного, в помещениях установили камеры. Если не предотвратить суицид, так хотя бы быстро отмыться, когда он свершится. Соня считала, что круглосуточное наблюдение – это форменное нарушение ее гражданских прав, но вынуждена была смириться с порядками. Если кому-то что-то не нравилось, того в «Силе духа» не держали. А она твердо решила провести в центре неделю.

Выйдя во внутренний дворик, Соня поежилась. Нужно было одеться потеплее, а не вываливаться на улицу в толстовке. Но день был солнечным, и она решила, что погода стоит чудесная, а оказалось – холод собачий. Натянув на голову капюшон, Соня набрала своего агента.

– Привет, Артур, – поздоровалась она с ним. – Звонил?

В ответ послышался отборный мат. Артур, когда злился, разговаривал исключительно нецензурно, вставляя литературные слова только для связки. И сейчас он был вне себя. Когда агент проорался, Соня примирительно проговорила:

– Не ругайся. Я отключила телефон на ночь, а утром забыла врубить. Со всеми случается...

– Со мной нет, – рявкнул Артур. – Потому что я ответственный человек, настоящий профессионал и...

– Просто душка, – польстила агенту Соня. – Так зачем ты звонил мне?

– Теперь уже не важно. Тебя на съемки ток-шоу хотели сегодня пригласить, но ты, милая моя, прокакала возможность мелькнуть фейсом на Первом.

– Переживу. Для меня сейчас нет ничего важнее новой роли.

– Ты все еще в приюте для бесхребетных баб?

– Перестань называть так наш центр.

– Уже «ващ», вон как...

– И женщины, которые оказались тут, вовсе не...

– Да понял, понял. Только ты сама еще пять дней назад называла их слабачками. И не понимала, как можно дать мужику над собой систематически издеваться.

– Я и сейчас не до конца понимаю. Но знаю точно, они позволяли это не потому, что бесхребетные, затюканные, никчемные. Среди нас, конечно, и слабачки есть, но их меньшинство.

– А остальным просто нравится боль? Они мазохистки? – фыркнул Артур. – Хотя мне не важно. Это твоя задача – разобраться в психологии жертв домашнего насилия. Но ты уж давай побыстрее с этим покончи. Пока журналы и интернет-порталы пишут о новом фильме Мэтра, ты, как исполнительница главной роли, должна мелькать, мелькать, мелькать... Понимаешь?

– Понимаю.

– И я пытаюсь договориться с Мэтром об ужине с тобой. Пока он ответа не дал, но я добьюсь своего.

– Не сомневаюсь в тебе, Артурито. И через двое, максимум трое суток я буду вся твоя.

– Лады.

Они сердечно распрощались, и Соня отключилась.

С Артуром Гаевым они познакомились в институте кинематографии. Соня там училась, он тусовался. Когда-то парень сам был студентом этого вуза, но вылетел с третьего курса и отправился в армию. Отслужив, к учебе не вернулся. Папа, артист еще старой школы, не самая яркая звезда советского кино, пристроил своего незаконнорожденного сына, который появился на свет, когда родителю уже исполнилось пятьдесят пять, на «Мосфильм». Но Артур регулярно навещался в альма-матер, чтобы позажигать. Ему нравились атмосфера и девочки, что учились в вузе. Жуткий бабник, он переспал чуть ли не с каждой третьей студенткой. Любил высоких, статных барышень, но не брезговал и «инженю». Сам Артур был зеленоглазым красавцем с черными негритянскими кудрями. Но ростом не вышел. Той же Соне он едва доставал до подбородка. Но это не помешало молодым людям закрутить роман. Роман был почти серьезным. То есть Артур не потерял интерес к Соне после первого секса, а продолжал встречаться с ней на протяжении трех месяцев. Рекордный срок для него. Расстались друзьями. По обоюдному согласию. Артуру надоело скрывать от подруги свои интрижки, а ей делать вид, что ни о чем не знает.

Соня стала первой клиенткой Гаева, когда он открыл свое небольшое агентство. С тех пор прошло пять лет, и они до сих пор сотрудничали и дружили.

– Значит, вы актриса, – услышала Софья и вздрогнула.

Резко обернувшись, она увидела Лору. Женщина стояла у молодой туи и теребила одну из ее веточек. Одета она была в старую куртку и кошмарного вида спортивный костюм. Лора, как говорят, заявила в центр в пижаме и тапках и носила все дни то, что ей дал завхоз, она же одна из обитательниц, то есть вещи, оставленные предыдущими «сестрами» (они так себя называли – сестрами по несчастью). В отличие от других женщин Лора не изъявляла желания вернуться домой хотя бы за документами, деньгами, телефоном или предметами первой необходимости. И не потому, что боялась. Каждую из сестер по просьбе сопровождали до дома. Иной раз с охраной. А Лора вообще не покидала территорию центра. И здесь ей оставалось провести всего сутки. Ее срок истекал уже завтра.

– Почему-то я так и думала, что вы не одна из нас, – продолжила Лора. – Предполагала, что журналистка, которая хочет написать правдивую статью о бедолагах, битых мужьями...

– Я буду играть одну из вас, – выдавила из себя Соня. Она пока не знала, хорошо или плохо то, что ее раскрыла именно Лора.

– Ага, ясно... – Лора оторвала веточки и поднесла к лицу, чтобы понюхать. – Система Станиславского. Погружение в роль. Отождествление себя с героем.

– Надеюсь, вы никому не расскажете о том, что узнали обо мне?

– Не беспокойтесь, – хмыкнула Лора и отбросила веточку со словами: – Ничем не пахнет, как пластмассовая.

Она собиралась уйти из внутреннего дворика, но Соня остановила ее.

– Не убегайте, пожалуйста, – попросила она. – Поговорите со мной немного.

– О чем?

– Все равно.

– То есть исповеди моей вы услышать не хотите?

– Конечно, хочу, – не стала спорить Соня. – Но вы не раскроетесь передо мной. Если вас даже Назаров не смог вывести на откровенность, то у меня вообще никаких шансов. Поэтому я просто предлагаю поболтать о чем-то нейтральном.

– Например?

– О туях. Это семейство кипарисовых. Их завезли к нам из Америки и Восточной Азии.

– Вы только что залезли в Википедию с телефона?

– Нет, просто читала когда-то об этих растениях и запомнила. У меня память фотографическая.

– Везет вам, роль долго учить не надо.

И все же ушла. Соня, помешкав секунд десять, бросилась следом.

Когда она оказалась в коридоре, то чуть не оглохла. Где-то кричали. Причем это делали как минимум человек пять-семь. Среди женских голосов звучал и мужской, но он был Соне незнаком.

Звуки доносились из фойе, туда она и направилась.

Лора, как оказалось, последовала в том же направлении. Ей было не чуждо любопытство.

Столкнувшись с ней в дверях, Соня шепотом спросила:

– Что там происходит?

– Семейная драма.

Но Соня уже и сама видела это. У входа в руках охранника бился мужчина. Он был высок, широкоплеч, но худощав. Одежда на нем не по размеру, висит и при этом коротка. Редкие соломенные волосы всклокочены. Довольно симпатичное, но чересчур вытянутое, узкое, безбородое лицо покраснело. Что неудивительно, ведь мужчина прилагал невероятные физические усилия, пытаясь освободиться от профессионального захвата секьюрити по имени Славик. Напротив, примерно метрах в двух от него, в том же положении находилась Тамара. Только ее сдерживали два человека: Зоя и Лидуся Кокорина. Но поскольку последняя была очень худой и мала ростом, Тома вырывалась из ее лапок и бросала свое тело вперед. Однако настойчивости Кокориной было не занимать, и она неизменно хватала «сестру» за локоть и висла на нем, как обезьянка на ветке.

– Отвали от меня, урод, – рычал безбородый. – И вы, курвы... Руки прочь от жены моей!

– Не трогай Пашу! – верещала Тома, обращаясь к Славiku. На товарок она, казалось, не обращала внимания. Цепляется что-то к ее рукам, мешает, все равно что вьюн какой или водоросль. – Отпусти его, слышишь?

Соня поняла, что в центр явился муж Тамары, чтобы вернуть ее домой. Его, естественно, пускать в помещение не хотели. А Томе мешали воссоединиться с Пашей «сестры». Они знали, что он будет продолжать колошматить жену, чего бы ни обещал. Все они проходили через это, и не раз.

Но Тома смогла вырваться. Стряхнув с себя Зою и Лиду, она кинулась к супругу. Коротко чмокнув его во вспотевший лоб, повисла на плече Славика. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не доктор Назаров. Привлеченный шумом, он выбежал в фойе, на ходу застегивая белый халат – очевидно, собирался домой, когда ор услышал.

– Всем замолчать! – громыхнул он. Впервые Соня услышала от психиатра реплику, произнесенную на повышенных тонах. – Тамара, отпустите Вячеслава.

– Но он моему Пашеньке руки выламывает, а Пашенька, между прочим, художник и ими

творит.

– А я слышала, что он маляр, – фыркнула одна из «сестер». – Причем два месяца назад уволенный со стройки...

Никто этой реплики не услышал, кроме Сони и, пожалуй, Лоры.

– Вячеслав, отпустите Павла, – продолжил Назаров. – Вы делаете ему больно.

– Сам виноват, – угрюмо проговорил охранник, но руки разжал, – я по-хорошему просил...

– А теперь спокойно объясните мне, что тут происходит.

Снова поднялся галдеж, и на сей раз Назаров не смог утихомирить народ своим рыком. А все потому, что почти все «сестры» решили высказаться. Их возмущало то, что одна из них дала слабину и желает в очередной раз простить своего мужа-дебошира.

– Тома, вы на самом деле решили вернуться к супругу? – обратился к ней Назаров.

Голоса тут же стихли. Все выжидательно уставились на Тамару. Она ответила не сразу. Секунд десять кусала губы, да сильно так, что на верхней губе выступила кровь, а потом выпалила:

– Да.

– Тебе жить надоело, дура? – вскричала Зоя. – У тебя уже два сотрясения было. – И к Назарову: – Он об батарею ее головой бьет, понимаете, Сергей Игоревич?

– Неправда, – угрюмо возразила Тома.

– Да ты башку покажи свою. Она ж в шрамах!

– Шрамы остались после аварии. Я с мотоцикла в юности упала.

– Не оправдывайся перед ними! – встрял Павел. – Они тебе никто. Чужаки. Я – твоя семья. – Он протянул руку. Пальцы тонкие, длинные. Запястье узкое. Соне сложно было представить себе, как эти руки наносят удары, как хватают женщину за волосы и волокут ее к батарее, чтобы впечатать ее голову в чугунину. – Ты идешь со мной, Тома?

Она вложила свою руку в его и кивнула.

– Томочка, опомнись! – застонала Зоя. И к ней присоединились другие «сестры».

Но Тамара не желала слышать никого, в том числе Назарова, который предлагал пройти в его кабинет и спокойно все обсудить. Казалось, ей хотелось поскорее убежать. Голоса «сестер» были созвучны с голосом ее разума, а Тома желала слушать только свое сердце. Она любила мужа. И видела его художником, а не маляром. Он и вправду умел рисовать, и когда они встречались, Паша писал ее портреты. И был ласковым, милым, добрым. А потом начал принимать наркотики, и все изменилось...

– Сергей Игоревич, мы что, отпустим ее вот так просто? – смогла перекричать всех Зоя. Она была лучшей зазывалой на рынке, где сейчас работала.

– У нас нет иного выхода. Тамара пришла в наш центр добровольно и добровольно же его покидает.

– Но Пашка же опять за свое возьмется!

– Нет, он мне поклялся, – встала на защиту мужа Тома.

– В какой раз? В десятый? – подала голос еще одна «сестра», ее имени Соня не знала.

– Кто бы говорил! Тебя сожитель годами колотил, а ты терпела.

– Из-за детей. Мы жили в его квартире, и он выгнал бы нас...

– Все, хватит! – закончил бабью перепалку Павел. – Мы уходим. – И потянул супругу за собой.

– У меня вещи в спальне остались, я заберу?

– Брось. Купим новые.

Тома не стала спорить. Воссоединившиеся супруги покинули центр.

При Соне такого еще не было. Женщины, оказавшиеся в «Силе духа», терпели побои месяцами, а то и годами. И когда уже сил мириться с положением вещей не было, они обращались за поддержкой. До этого уходили от мужей или сожителей к мамам, подругам, но обычно возвращались спустя некоторое время. А многие даже от близких скрывали проблемы и побои. Врали, что упали, поскользнулись, подверглись нападению уличных хулиганов или, как Тома, попали в аварию. Выносить сор из избы стеснялись и боялись. И уж если делали это, то отрезали себе пути к отступлению. Но, как оказалось, не все. Просто Соне не приходилось еще наблюдать сцены, подобные той, что разыгралась перед ее глазами несколько минут назад. Если б она увидела такую в кино или телевизионной передаче, то мысленно выкрикнула фразу Станиславского: «Не верю!» Но Соня наблюдала это в реальности и пребывала в состоянии недоумения. А в следующий миг испытала настоящий шок...

Дверь вновь отворилась, и на пороге центра возник... мужчина? Да, если присмотреться к лицу. А на первый взгляд – подросток. Низенький, щуплый, одет в широченные джинсы с накладными карманами и кепку с покемоном. На костлявом плечике яркий рюкзак. Бороденка редкая, клочковатая. Такая растет у мальчишек лет пятнадцати, но они бреют ее раз в неделю, чтобы самим себе казаться взрослыми.

– Здравствуйте, – поприветствовал всех присутствующих визитер. Голос у него оказался густым, красивым. – Я попал в центр реабилитации «Сила духа»?

Первым ответил ему Славик, кивнув своей крупной головой.

– Значит, я по адресу. – Мужчина-ребенок скинул рюкзак на пол. – Меня зовут Антон. Хочу попросить помощи у вашего центра.

– А вы уверены, что вам именно к нам? – спросил доктор Назаров.

– Да, потому что я жертва домашнего насилия.

– И кто вас бьет?

– Жена.

Глава 3

Мира опустила окно автомобиля, в котором ехала на заднем сиденье, и вышвырнула сотовый телефон. Хотела, чтоб он разбился вдребезги, но качественный аппарат остался целым. Возможно, треснуло стекло, но и то не факт, на нем стояла защита. К счастью, по телефону тут же проехала машина, мчащаяся по соседней полосе. Джип. Черный, внушительный, он раздавил мобильник. Мира как будто слышала, как телефон хрустнул под колесами, но, скорее всего, она себе это придумала – на оживленном шоссе рев моторов и надрывные гудки клаксонов перебивают остальные звуки.

«Дура, – тут же ругнула себя Мира. – Это уже третий телефон за год. Да, я богата и могу покупать себе аппараты хоть каждый день, но... Зачем? Восстанавливать и перекидывать контакты, вспоминать пороли соцсетей, привыкать к интерфейсу – это пусть и не сверхтрудная задача, но все требует времени...»

Телефоны, как и некоторые другие вещи, типа тарелок, пудрениц, светильников, Мира разбивала, когда злилась, чтобы выпустить пар. А злилась она обычно на мужчин. Например, сегодня из себя ее вывел бывший. Разместил в Инстаграме фотографии с новой пассией.

Девиде лет двадцать от силы. И весит она кило пятьдесят. При росте сто семьдесят. Как тут не психануть? И ладно бы мальчишка был, бывший ее. Мира любила «свежее мясо». Не деток, а уже более-менее возмужавших, но еще молодых, лет двадцати пяти – двадцати семи. Но бывшему пятьдесят уже исполнилось. И сохранился он не очень: залысины, брюшко. Это простительно олигарху, но не музыканту, что играет на ударных в популярном в восьмидесятых годах прошлого века коллективе.

В юности Мира бывала на концерте их группы. И млела в отличие от других фанаток не от солиста, а от ударника. Тогда худенького, кудряво-лохматого, заводного, яркого. У него была кличка Крендель. И когда Мира встретила с бывшим кумиром спустя двадцать с лишним лет, то увидела его таким же, намеренно не заметя возрастные изменения. Но новой пассии этого мужчины еще в проекте не было, когда он сводил с ума девчонок своей харизмой. Чем он ее взял? Мира знала! Став ее официальным мужчиной, музыкант попал в поле зрения журналистов. Стал узнаваемым персонажем. И теперь, когда ушел от Мира, продолжает пусть не сиять, но подсвечивать. Через месяц-другой потухнет. Но пока к нему еще слетаются мотыльки.

Но обидно не то, что бывший быстро нашел замену. И у Мира тоже уже был новый паренек. Такой же юный и стройный, с кубиками пресса и кожей без намека на морщинки. Игрушка. Но красивая. И Мира могла бы выставить фото с ним, чтобы все увидели и облизнулись. Но она воздерживалась. Потому что с музыкантом у них были серьезные отношения, длительные и закончились всего месяц назад... Мира считала правильным выдержать паузу. Мысленно после любого разрыва она надевала себе на голову черную ленту. И носила траур не по человеку – по отношениям. Даже если позволяла себе нарушать этот траур, то медленно и печально. Несколько месяцев проходило, прежде чем Мира представляла общественности своего нового избранника. А по мужу законному вообще несколько лет траур соблюдала. Но именно по нему, а не по отношениям. Хотя, если бы это было уместно, она закатила бы пир на весь мир. А пришлось устроить весьма скромную вечеринку в стриптиз-клубе на Ибиде, где кроме нее были только шесть танцовщиков и бармен. Мужа своего Мира ненавидела, но не сказала о нем ни одного дурного слова после того, как Салихов скончался. О покойниках либо хорошо, либо никак...

Но сейчас не об умершем муже речь. Сгнил в могиле давно. А вот экс-жених – они ведь обручились с музыкантом – жив, здоров и счастлив... С какой-то нимфой, годящейся ему в дочки. Но даже если и не так... И девушка не его, а модель, которую он либо за пару сотен баксов ангажировал для фотосессии... Все равно нехорошо. Зачем он так с Мирой? С той, что любила, терпела, денег давала, в конце концов! Она же вложила в его раскрутку. Отсыпала бабок на запись сольного альбома и съемку клипа. Но потухшей звезде трудно разгореться. Творческие эксперименты Кренделя не только не оценили, их просто никто не заметил. Он попадал в объективы камер только как жених Мира Салиховой. И это его обижало. Он говорил, что хочет и сам чего-то добиться. Как будто ему кто-то мешал это делать... Не мальчиком достался Мире – мужиком зрелым, если не сказать, перезрелым.

На этой почве и поругались. Разъехались. Мира надеялась, что Крендель перебесится, поймет, что лучше женщины ему не найти, и приползет на коленях. А он вместо этого...

С двадцатилетней нимфой в Инстаграме красуется!

– Вася, чего стоим? – рявкнула на водителя Мира.

– Красный, – спокойно ответил тот. У госпожи Салиховой могли работать только непоколебимые люди. – Через двадцать секунд поедет.

Мира была очень эмоциональна. Могла кричать, ругаться, придирается к мелочам, но это полбеда. Те, кто обслуживал богачей, к этому привыкли. Но госпожа Салихова была еще и крайне добра, щедра и сентиментальна. Она сочувствовала, поощряла, одаривала тех, к кому проникалась. Могла отдать новую соболью шубу домработнице, потому что та всю жизнь о такой мечтала, садовнику отвалить денег на обучение ландшафтному дизайну, оплатить операцию на голеностопе своему фитнес-тренеру, а потом оказывалось, что первая выставила ее меха на аукцион, второй спустил деньги на шлюх, а третий купил себе подержанный моцик. И ладно бы на этом люди успокаивались. Но нет. Они наглели и продолжали Миру доить. Вернее, пытались делать это. На чем и сыпались. Тут же получали расчет, да еще попадали в черный список работодателей. Потому что госпожа Салихова дурой не была. А прежде всего ценила честность. Тот же водитель Вася не являлся образцовым работником. Несколько раз он использовал машину хозяйки в личных целях. Но когда помял ее, ничего придумывать не стал. Сказал как есть: «Хотел выпендриться перед телочкой, но по слабому хмелю въехал в бордюр». Мира оценила Васину честность и оставила за ним место.

– Мира Васильевна, вы надолго в центр? – спросил он, когда загорелся зеленый и машина тронулась. Они уже почти приехали в пункт назначения.

– Тебя это касаться не должно! – Мира все еще была на взводе. – Будешь ждать сколько потребуется.

– Это понятно. Но я хотел бы отъехать. Вот и спрашиваю, сколько у меня времени.

– Опять телочек катать собираешься?

– Я с утра не ел – мы колесим по городу весь день. Думал перекусить.

– Что ж бургер не перехватил по дороге?

– У меня язва, мне нельзя фастфуд.

И Мира знала это. Вася при ней пару раз принимал какие-то пилюли, она насторожилась, не наркотики ли. Оказалось, лекарство для язвенников.

– Можешь спокойно кушать, – смягчилась она. – Два часа у тебя есть.

– Отлично, спасибо.

– Возможно, больше ты мне сегодня вообще не понадобишься. Но пока точно сказать не могу – позвоню.

– А у вас есть мой номер?

– Естественно.

– Мира Васильевна, вы свой телефон в окно выкинули десять минут назад.

– А ведь и правда! Вот дура! – ругнула себя Мира. – Тогда так, Вася, сгоняй мне за новым аппаратом, привези, а потом езжай на все четыре стороны.

– Какой вам купить?

– Такой, что был.

– Но сейчас уже новая модель вышла.

– Плевать. Я привыкла к старой. Еще сим-карту купи. И внеси в справочник свой номер и те, что знаешь: моего секретаря, домработницы и так далее. – Она достала из сумочки кошелек. – Вот тебе кредитка. Сними с нее себе пару тысяч на ужин. Чеки принесешь.

На этом их разговор закончился, поскольку машина уже стояла на парковке перед зданием реабилитационного центра.

Вася покинул салон, обошел авто и открыл пассажирскую дверь. Мира выбралась. Именно так, а не иначе. У нее болели ноги от высоких каблуков (не девочка уже – шишки,

варикоз, отеки к вечеру), поэтому грациозно выпорхнуть из салона не вышло. А ведь могла когда-то! И не так давно... Всего каких-то пару-тройку лет назад.

«Сдаю, – вынуждена была признать Мира. – Не по дням, а по часам ветшаю... Хотя и не старуха еще. Женщина средних лет всего лишь. А все нервы проклятые. От них все беды...»

Мира, чуть прихрамывая, прошла к дверям центра. Она покупала дорогую обувь. Такую, что обязана быть удобной и даже не чувствоваться на ноге. Но сейчас госпожа Салихова ее чувствовала! Обувь мешала. Хотелось скинуть туфли, пошевелить пальцами, а затем пошлепать босиком. Беда была в том, что тридцать девятый размер, что она носила всю жизнь, стал ей чуть маловат. Когда Мира мерила обувь в магазине, все было прекрасно. И по утрам любые туфли на нее легко налезали. Но за день ноги опухали, наливались усталостью, и к вечеру привычный тридцать девятый жал. Мира столько раз порывалась купить сороковой, но... Останавливала себя. С размером почти так же, как с возрастом. Тридцать девять – это не сорок. Тебе еще идет четвертый десяток, а не пятый начал отсчет. Потому Мира, знакомясь с мужчинами где-нибудь за границей, представлялась тридцатидевятилетней, а когда ей исполнится пятьдесят, будет говорить, что ей сорок два.

* * *

О своем визите в реабилитационный центр госпожа Салихова не предупреждала. Решила нагрянуть. Так сказать, свалиться как снег на голову.

Дойдя до двери, она толкнула ее, но войти не смогла. Дверь оказалась заперта. Мира глянула на часы. Рано закрылись. Раньше до девяти свободно можно было входить (в фойе, естественно, дежурила охрана), а сейчас только начало восьмого. Госпожа Салихова собралась надавить на звонок, как дверь распахнулась.

– Мира Васильевна, что ж вы не предупредили, что приедете? – закудаhtала администраторша Катерина, увидевшая, судя по всему, хозяйку в окно. Или за монитором следила, на который проецировалось изображение с камеры над входом. – Мы бы встретили вас...

– А сейчас вы что делаете? – хмуро проговорила Мира. Катя ей не нравилась. Нипочему, просто не нравилась. Она даже уволить ее хотела... Нипочему, просто... Но вступилась директор центра Лолита Макаровна. Сказала, золотая работница Катя, таких поискать. – Почему у вас двери на засове? Свободный вход и выход с девяти до двадцати одного.

– В целях безопасности.

– Что, по Москве снова ездят танки? – Это Мира вспомнила девяносто первый год прошлого века. Штурм Белого дома, путч, Ельцин. Все это происходило на ее глазах. Но Кати тогда еще в проекте не было. Поэтому она не поняла, о чем госпожа Салихова.

– У нас новый обитатель. Несколько часов назад обратился за помощью. И он боится не только за себя, но и за всех, кто сейчас находится в центре.

– Это жена Терминатора? – хмыкнула Мира. Уж этого киношного персонажа девочка знает.

– Тогда уж муж... – хихикнула Катя. – Той самой терминаторши из третьей части. Блондинки в красном комбинезоне.

– Не поняла?

– Новый обитатель – мужчина.

– Ничего себе, – присвистнула Мира. – Первый раз у нас такое?

– Был один трансвестит. Но чтоб обычный гетеросексуальный мужчина обратился за поддержкой – такое впервые.

– Я хочу с ним познакомиться. Но позже. Сейчас мне нужно в кабинет Лолиты.

– А Лолиты Макаровны нет.

– Я разве сказала, что желаю видеть директора?

– Не-е-ет, – робко протянула девушка.

– Вот именно. Прошу вас, не беспокойте Лолиту. Пусть отдыхает. Дайте мне ключ от кабинета, и все. – Катя метнулась к стойке и сняла с крючка нужный. Мира взяла его. – В скором времени подъедет мой шофер Василий. Возьмете у него пакет, принесете мне. Пока можете быть свободной.

– Вас проводить?

– Не нужно, я прекрасно ориентируюсь сама.

Мало кто знал, что это здание Мира купила под Дом моды. Открыла в нем мастерскую, ателье и магазин. Хотела стать модельером. Думала, получится. Но не хватило таланта. Естественно, можно было бы пригласить одаренного юного дизайнера, сделать из него «негра» и выдавать его творения за свои, но госпожа Салихова любила честность. Поэтому закрыла свой модный дом, когда поняла, что не выйдет из нее кутюрье. Но здание не продала, оставила. Сдала. Но быстро арендаторов выгнала. Они превратили помещение в склад стройматериалов. А Мира трепетно относилась к дорогим сердцу местам. В этом она собиралась творить: создавать невероятной красоты наряды и облачать в них женщин... Какие уж тут мешки с цементом и доски ДСП?

Госпожа Салихова отперла дверь кабинета директора и зашла в помещение. Когда-то она здесь сама заседала. И называла этот кабинет мастерской. Только во времена, когда Мира мнила себя начинающим дизайнером, здесь царил творческий беспорядок, а сейчас каждая вещь на своем месте. Лолита – женщина педантичная, аккуратная, но не зануда. Ох и куролесили они в молодые годы! А потом судьба развела. Мира вышла замуж за Салихова, Лолита за голландца с труднопроизносимой фамилией. Потерялись на полтора десятка лет. Встретились, когда Мира искала домработницу. Прислали из агентства несколько женщин, среди них оказалась Лолита. Госпожа Салихова ее не узнала. Привлекло имя, не очень распространенное. Она начала задавать соискательнице вопросы, и оказалось, что перед ней подруга молодости. Но это был совсем другой человек! Не тонкая, звонкая, с белыми волосами до пояса и привычкой падать на шпагат во время зажигательного танца. Грузная, коротко стриженная шатенка. Основательная, серьезная. Она стала бы идеальной домработницей, но Мира вместо нее взяла другую женщину. А Лолите, узнав ее историю, поручила пригляд за женщинами, прошедшими через насилие в семье. А все потому, что голландец с труднопроизносимой фамилией измывался над своей русской женой многие годы. И отобрал у нее двоих детей при разводе.

Мира скинула туфли. Наконец-то! И плюхнулась на кресло, чтобы дать ногам отдых.

«Хватит с меня тридцать девятого размера, – сказала она себе. – Как и пятидесятого».

Одежда не то чтобы сильно жала, но была тесновата. Но с одеждой сложнее. Модельный ряд большинства брендов заканчивается XXL. Понятно, что с хорошими деньгами можно купить все, что угодно. Мира знала, что может до размера танка растолстеть и на нее сошьют любой наряд, но... Ей хотелось заходить в обычные бутики, брать одежду с вешалки и убегать в примерочную...

Равно как и с представителями сильного пола. Мира была не против среднестатистических мужчин. Не голодранцев или уродов, конечно. Приятных, здоровых, крепко стоящих на ногах, рукастых, умеющих приколотить полку, поющих под гитару Визбора и чудно жарящих шашлык. Но где ей взять такого? Не в Интернете же... Вот и приходится цеплять красивых пустых мальчиков или не таких пустых и красивых, но неприкаянных дяденек, для которых она всего лишь дойная корова.

Мире снова стало так грустно, что хоть плачь. Наверное, всему виной подступающий климакс. Пора начинать пить гормональные таблетки, как делают все женщины ее возраста на Западе. И гинеколог рекомендовал. Но Мире казалось, что все эти иностранки из развитых стран с возрастом становятся похожими на мужиков. И как ей думалось, все из-за тех самых таблеточек, принимаемых ими в менопаузу. А ей так хотелось оставаться женственной.

В дверь заколотили. Мира хотела послать визитера подальше, но не успела. Поскольку замок она не заперла, она влетела в кабинет через пару секунд. То была совсем молоденькая барышня с некрасивой прыщавой мордочкой. Увидев Миру, она выпалила:

- Здрасьте, а где Лолита Макаровна?
- Понятия не имею, но предполагаю, что дома.
- А вы кто?

Мира была удивлена. Она думала, что все обитательницы центра ее знают. А как иначе, если портрет госпожи Салиховой висит на самом видном месте? А еще в кабинете директорском, и визитерша, если чуть повернет голову, увидит его.

Только Мира собралась представиться, как в кабинет вбежала еще одна женщина, похожая на собачку породы тойтерьер. Эту она знала:

- Добрый вечер, Лидия.
- Ой, Мира Васильевна, – всплеснула руками «собачка».
- Мира Васильевна? – ахнула прыщавая. – Извините, я вас не узнала...
- Ты, Света, уйди лучше, – вскипела Лида и вытолкала товарку за дверь. – Такая бестолковая, ужас.

– Лидуся, вы чего хотели? – Мира припомнила, что «собачку» все называли уменьшительно-ласкательно.

- Чтоб Лолита Макаровна позвонила доктору Назарову и позвала его сюда.
- Зачем?
- Очень нужна консультация...
- Вам?
- Нет, я в порядке.
- Но вы все еще тут, а насколько я помню, поступили в центр месяца четыре назад?
- Я в порядке, – повторила Лидуся. – Остаюсь в центре не столько ради себя, сколько из-за «сестер». У нас пополнение...

– Мужчина?

– О, вы слышали! Так вот ему просто необходима терапия. Мы пытаемся поддержать его, но все тщетно. А Сергей Игоревич настоящий волшебник. Он сможет Антона умиротворить и сбалансировать.

- Ишь ты, – усмехнулась Мира. – Слова-то какие... Не зря, видно, плачу этому доктору.
- Ой! – Лидуся схватилась ручонками за лицо. Собрала его в ковш и выдохнула: – Как мы вам благодарны за это... Если б не ваша щедрость, даже представить не могу, что с нами со

всеми было бы. Вы просто святая женщина.

– Только не падай ниц, детка, – буркнула Мира.

– Что?

– Ничего. Пошли, говорю, с вашим Антоном поговорим.

– Но вы же не доктор.

– У меня диплом психолога. Так что справлюсь. Веди меня к нему. – Она встала, но тут же опустилась на кресло. Ноги нисколько не отошли, и при мысли о том, что снова нужно втиснуть стопы в туфли, становилось нехорошо. – Нет, пусть сам придет. Тут нам будет комфортнее.

– Хорошо, – кивнула Лида и собралась убежать, но Мира остановила:

– Кате предварительно скажи, чтоб чай заварила. И принесла вместе с чем-то съестным.

Я не откажусь от пирожных. Желательно бисквитных.

Лицо Лидуси вытянулось. Она стала похожа не на собачку, а на молодую овечку. Родись она с кудрявыми волосами, было бы не отличить.

– Катя не сможет. Лолита Макаровна или в столовой чай пьет, или сама себе заваривает.

Мира уже поняла, что глупость сморозила. Она увидела на тумбочке чайник с чашками и коробку «Ахмата». А также упаковку сахара и вазочку с конфетами.

– Ладно, веди Антона, а я пока заварю чаю, – сказала она Лидусе.

– Если вы кушать хотите, я сейчас вам печенья принесу. Есть овсяное и крекер.

– Спасибо, не надо. Идите.

Лидуся скрылась за дверью, а Мира прошлепала босиком к тумбочке и включила чайник.

Ей хотелось переодеться. И снять шиньон. Но разве она могла себе это позволить?

Хотя...

Мира увидела белый халат, что висел на вешалке. Зачем он был нужен Лолите, оставалось только гадать, но госпожа Салихова схватила его. А еще сняла платок с шеи. Затем проследовала в директорский туалет и преобразилась. Шиньон долой. Волос сразу стало очень мало, но Мира обвязала голову платком. Сняла с себя шикарный костюм от любимого Роберто Кавалли, что держал в тисках ее тело, и облачилась в простой медицинский халат. Тут и чайник щелкнул, выключившись. Мира вернулась в кабинет, заварила «Ахмат» и уселась за стол. Оказалось, что под ним стоят шлепки. Простые, белые, сделанные из кожи не самой хорошей выделки. Но когда Мира сунула в них ноги, то поняла, что ей в них удобно. Что неудивительно, ведь шлепки были сорокового размера.

– Тук-тук-тук, – послышалось из-за двери. Мира узнала голос Лидуси. Почему она не стучала, а издавала звуки, было неведомо. – К вам можно?

– Заходите.

Дверь отворилась и в кабинет вошел...

Марк Антоний!

Не древнеримский политик и оратор, биографию которого советские дети пусть и вскользь, но все же изучали на уроках истории. Марк Антоний – рэпер. Первый в России. Когда-то, будучи совсем юным, он имел невероятную популярность. И Мира, равнодушная к людям шоу-бизнеса, тем более успешным, взяла его на заметку. Марк Антоний казался ей очень интересным персонажем. Как мужчина он ее не привлекал, в отличие от того же Кренделя, но познакомиться с ним Мира была не прочь. Она предприняла бы попытку, но Марк Антоний близко подпускал к себе только клевых чик, а Мира уже по возрасту не

проходила. И не стала навязываться.

– Здравствуйте, меня зовут Антон, – сказал мужчина, за которым Лидуся закрыла дверь кабинета.

– Добрый вечер. Я Мира. Присаживайтесь. – И указала на кресло.

Антон опустился на него. Но как-то осторожно. Как будто он второклассник, который боится, что ему кнопку на стул подложили.

– Хотите чаю? – поинтересовалась Мира, вставая за чашками.

– Не откажусь.

– Прошу. – Она протянула Антону одну. Тот взял чашку, но она дрогнула в его руке, пришлось госпоже Салиховой ее придержать за дно, чтобы чай не вылился и не обжег мужчине ноги. – Расслабьтесь, Антон. Тут вы в безопасности.

– О, вы не знаете мою жену, – покачал он головой.

– Расскажите о ней?

– Это не женщина, а дьявол. Это если коротко. Я уходил от нее дважды. Причем не просто собирал чемодан и покидал квартиру. Я уезжал на другой конец страны в первый раз и на соседний континент в другой. Она находила меня и возвращала. Силой.

– Разве такое возможно?

– Естественно. – Антон задрал штанину и показал шрам на колене. – Она прострелила мне чашечку. Лично. Потом бедро, не буду вам показывать стриптиз, просто поверьте, выше тоже есть шрам. Третьим выстрелом она собиралась снести мне яйца. Мне ничего не осталось, как вернуться к ней.

– Но почему вы не обратились в полицию? – недоуменно спросила Мира.

– С этого я начал, – горько усмехнулся Антон. – Но когда отец твоей жены лучший друг генерального прокурора... Сами понимаете... – Он сделал глоток чаю. – Я и к бандитам обращался. Но история та же. У тестя в корешах самые видные воры в законе, хотя сам он ни разу не привлекался.

– Как же вас так угораздило?

– Долгая история, не хочу утомлять вас.

– Антон, я здесь затем, чтобы выслушать вас, – мягко проговорила Мира, – и попытаться помочь.

Она знала, что такое быть второй половинкой влиятельного и беспощадного человека. Салихов никогда не стрелял в нее, более того, он ни разу ее не ударил, но морально терзал так, что Мира дважды пыталась покончить с собой.

– Ее зовут Аэлита, – начал свой рассказ Антон. – От рождения, конечно, другое имя было, обычное, Ирина, но жена изменила его на экзотическое. Мы познакомились с ней на студенческой дискотеке. Она училась на втором курсе, я работал продавцом на рынке, а явился на мероприятие в качестве артиста. Тогда я читал рэп и мечтал о славе. Выступал везде, куда позовут. Естественно, бесплатно. Кроме меня в ту ночь еще много парней на сцену выходило, но Аэлита почему-то выделила меня. Подошла ко мне после концерта, мы познакомились, выпили и поехали ко мне. Я жил с мамой и сестрой в крохотной хрущевке, они в тот вечер уехали на дачу к тетке, и я смог привести девушку. Аэлита с недоумением рассматривала обстановку нашего жилища, хихикала над коврами на стене, но в общем-то вела себя со мной как с равным. Я не мог предположить, что она дочь очень богатого человека. В брендах я не разбираюсь, и ее сумочка «Шанель» мне казалась такой же подделкой, как те, что продаются в переходах и с которыми ходит подавляющее большинство

студенток. – Антон сделал еще один глоток чая. Его руки уже не дрожали. Как будто вместе со словами из него выходил страх. – С той ночи начались наши отношения. Мы гуляли, тусовались, она ездила со мной на выступления. Сексом мы занимались либо у меня, если никого дома не было, либо у друзей, либо в парке. В общем, где придется. То есть никогда у нее. Она не приглашала меня к себе. Говорила, рано. Я не возражал. В принципе, мне было все равно, где и с кем она живет. Я мало интересовался ее жизнью. Для меня Аэлита была просто симпатичной и легкодоступной подружкой. Я хотел кайфовать вместе с ней, но никак не семью строить. Да и рано мне было думать об этом в двадцать один год.

– То есть вы ее не любили?

– Она мне нравилась, и только. Я думал, она так же относится ко мне. Но оказалось, у Аэлиты на меня грандиозные планы. Когда нашим отношениям исполнилось три месяца, она позвала меня к себе. Я думал, ее родители уехали куда-нибудь и хата свободна, но... То была не хата, а дворец, это раз. И два, в нем меня поджидал папа Аэлиты. Он усадил меня напротив и стал расспрашивать о планах на будущее. Я признался, что мечтаю реализовать себя в качестве рэп-исполнителя. А как же семья, спросил он. Я сказал, что потом можно и о семье подумать. Пока же я ничего собой не представляю, я всего лишь продавец без копейки, что я могу дать жене и детям? Как ни странно, слова мои отцу Аэлиты понравились. Он похвалил меня за то, что я не мечтаю пожить за чей-то счет. Потом оказалось, что дочери его не везло на молодых людей. Все видели в ней богатую невесту. Я же полюбил ее за душу, не зная о том, что Аэлита ест золотой ложкой и в платиновый горшок испражняется. Дальше события стали развиваться стремительно. Батя моей невесты сразу после «проверки на вшивость» меня взял в оборот, отсыпал денег, подключил нужных людей, и я начал делать карьеру.

– Под псевдонимом «Марк Антоний».

– Вы узнали меня? – изумился мужчина.

– Да, вы мало изменились. Даже одеваетесь так же, как и двадцать лет назад.

– На этом настаивала Аэлита. Она хотела видеть меня все тем же пареньком, в которого влюбилась.

– Но Марк Антоний слыл ловеласом. Он был всегда окружен толпой красоток. Как вам позволяли это?

– Вот именно – слыл. И толпа для этого существовала. Обычный пиар. На самом же деле я постоянно был под надзором и не мог не то что завалить понравившуюся телочку, просто мило побеседовать с ней в приватной обстановке. На публике – пожалуйста. Образ мачо требовалось поддерживать.

– Вы выпустили два альбома, получили несколько премий, а потом, можно сказать, на самом пике, пропали. Почему?

– Мне сказали, хватит. Позвездил три года, пора и честь знать. Мы с Аэлитой поженились. Причем без помпы. Провели скромную церемонию на тропическом острове, преподнесенном нам в качестве свадебного подарка отцом невесты. Гостей только тридцать. Все значимые люди. С моей стороны всего три человека: мама, сестра и лучший друг. Все гости улетели через три дня, а мы остались еще на неделю. Я не могу сказать, что был счастлив, но доволен. Я думал, моя жизнь удалась. Аэлита не была любимой, но желанной. Она нравилась мне. Да, меня напрягал ее взрывной характер, но зато после ссор так сладок был примирительный секс. Я думал, что, когда появятся дети, она немного разожмет руку, которой сжимает мои яйца. И я, возможно, смогу вновь заниматься творчеством, пусть и не

масштабно.

– Но что-то пошло не так?

– Да все! Оказалось, Аэлита не хочет детей. Категорически. Если б отец потребовал наследника, она бы родила, никуда не делась, но он женился на молоденькой, и новая жена подарила ему сына. Род продолжился, и Аэлита смогла сама решать, рожать ей или нет. Ей не хотелось. Я ждал, что она передумает. Потому что не понимал, что за семья без детей. Ладно если кто-то из супругов болен и завести детей просто-напросто не получается... Но и в этом случае есть выходы: ЭКО, усыновление...

– Вы из-за этого решили уйти от нее?

– Из-за всего. Мне не дают заниматься творчеством, мне не рожают детей, меня месяцами держат на острове, будто я пленник. Да, Аэлита находилась со мной в эти периоды, но ей нравилось там, а мне нет. Неделя релакса – это прекрасно, но даже две уже много. Я чувствовал, что не просто тупею, а превращаюсь в овощ. А вернее, в экзотический фрукт. Аэлита, хоть и окончила престижный вуз, чтоб порадовать папу, ни дня не работала. Не видела в этом необходимости. У нее имелись акции, облигации, счета, и на дивиденды и проценты она шикарно жила со своим мужем, то есть со мной. Настоящая дольче вита. Но я с ума сходил. И когда мы вернулись в Москву, но ничего не изменилось, кроме климатических условий, я попросил развода. Аэлита взвилась. Чего тебе еще надо, сволочь? Живешь как у Христа за пазухой! Да все только и мечтают об этом...

– Почему же она не вышла за того, кто об этом мечтал? За тех самых охотников за ее приданым?

– Я ей задал тот же вопрос, – едва ли не подпрыгнул Антон. – Их же было так много, этих поклонников дольче виты. Но Аэлита сказала, что, если б я был одним из них, она бы меня не полюбила. А раз уж я пробудил в ней это чувство, пути назад нет.

– Звучит немного зловеще.

– Именно. То есть если Аэлита выбрала меня, то все. Я буду ее, пока ей не надоест. А поскольку она однолюб, то... – Антон развел руками. – Свободы я не получил. Мне просто сказали – нет. Но тогда я не думал, что все серьезно. Ушел из дома, завалился в клуб, снял какую-то барышню. Думал, может, Аэлиту моя измена обидит и она меня выгонит, но не тут-то было. Поутру в мотель, где мы спали с барышней, ввалились двое. Ей надавали по щекам и голой выкинули в коридор, меня взяли за шкуру и привезли домой. Громилы бросили меня под ноги жене, и она сказала: «На первый раз я тебя прощаю. Еще раз такое отчебучишь – накажу!» Я что-то кричал, пытаюсь донести до Аэлиты свою позицию, но мне вкололи какую-то дрянь, и я очнулся на острове спустя двое суток. Был там один неделю, прислуга не в счет. Потом приехала Аэлита и вела себя так, как будто ничего не случилось.

– А вы с ее отцом не пробовали говорить?

– И через это прошел. Но мне сказали, что меня на помойке нашли, отмыли, отчистили, как Шарика из мультика, и я в благодарность должен вести себя паинькой. Отрабатывать, так сказать, вложения. Отец Аэлиты влил в меня огромные деньги, однако вернуть их не то чтоб не смог, не попытался. Моя карьера была подарком доченьке, а не вложением капитала. – Антон допил чай, но чашку не отставил, хотя рядом стояла тумбочка. Он теребил ее в руках, играл чайным пакетиком. – Я прожил с ней еще два года, убеждая себя в том, что я счастливчик. Аэлита закатывала мне скандалы не чаще, чем другие женщины. Находясь на острове, мы вообще не ссорились. Когда я был полностью ее, моя жена умиротворялась. Но беда в том, что я ее не хотел. Просто секса – да. Поэтому мы занимались им. Но, если бы мне

пришлось выбирать между Аэлитой, красивой, стройной, ухоженной, и нашей уборщицей, толстозадой перуанкой с черными губами, я выбрал бы последнюю. А супруга секс любила. И требовала его. Можно сказать, она насильовала меня. Вызывала изощренными ласками эрекцию и наслаждалась. Сколько раз я проклинал свою мужскую силу. Я думал, что, если б природа не наделила меня столь щедро, я перестал бы быть интересным Аэлите. Верите, я даже бром пил? Когда в армии служил, ходили байки о том, что нам его в кашу добавляют, чтоб член не стоял.

– И вы сбежали? Куда?

– На Урал. В Екатеринбург, там как раз армейский друг жил.

– Огромный город. Как Аэлита вас там нашла?

– Как-то отследила. Имея деньги, можно нанять людей. Да я еще, дурило, телефон не выкинул, просто сим-карту поменял.

– Тогда она в вас стреляла?

– Да. Обещала наказать – наказала.

– Что же она сделала с вами, когда вы на другой континент сбежали?

– Со мной ничего. Мать мою машиной сбила.

– Вы серьезно?

– Более чем.

– И этому есть доказательства?

– Конечно нет.

– Ваша мама умерла?

– При аварии нет. Аэлита не могла себе позволить этого. Нет мамы, нет рычага давления на меня. Она ее чуточку покалечила. Сотрясение, сломанная нога... Мелочи, в общем. Причем лечение оплатила Аэлита. И матушка вскоре поправилась. И была очень благодарна жене своего сына.

– Может, это не она сбила вашу маму?

– Она. И если бы мама до сих пор была жива, я не сбежал бы от Аэлиты вновь. Но она скончалась три месяца назад. А сестра моя младшая в Америке уже восемь лет. Нашла себе мужа прекрасного, переехала к нему...

– Поэтому вы в очередной раз решились уйти? Теперь вы не боитесь за близких? Мама умерла, а до сестры вашей Аэлита вряд ли доберется.

– Да. Теперь она может наказать только меня. Но и этого мне бы хотелось избежать. Я просто мечтаю избавиться от Аэлиты. К вам в центр я пришел, потому что уверен, тут она меня искать не будет. Какой мужик обратится за помощью в благотворительную организацию? Я пару дней пережду и уеду. Куда, пока не знаю. Мне нужно время на раздумье. И все равно я неспокоен. Мне кажется, в одежде жучки или у нее свой спутник, по которому она меня отслеживает. Если так, под угрозой все. Поэтому я сам не свой.

Тут в дверь заколотили. Мира решила, что это снова Лидуся явилась, но то была администраторша Катя. Она принесла телефон, доставленный Василием. Госпожа Салихова совсем забыла о нем, увлекшись историей Марка Антония.

– Мира Васильевна, мне можно уйти? – робко спросила Катя.

– Ваш рабочий день окончился?

– Еще двадцать минут назад.

– Тогда ступайте.

– До свидания.

Мира помахала ей. Не такая уж и плохая работница эта Катя. Исполнительная. Сказали, не звонить Лолите, она так и сделала.

– Если вы прогоните меня, я пойму, – услышала Мира, когда возилась с новым телефоном. Вася, молодец, сунул сим-карту, записал минимум номеров, и теперь госпожа Салихова изучала их.

– Что? – рассеянно спросила она.

– Одно дело подвергать опасности себя, другое – ни в чем не повинных людей.

Мира положила сотовый на стол и отодвинула его от себя, чтоб не отвлекал.

– Давайте представим, что Аэлита все же нашла вас. Как она поступит, по-вашему?

– Я не могу спрогнозировать ее поведение.

– Она разнесет здание в щепки? Возьмет всех нас в заложники? Потравит газом нервно-паралитическим?

– Нет, конечно.

– Значит, нам ничего не угрожает. Если б я была на месте вашей жены, то дождалась бы, когда вы покинете центр, при помощи охранников затолкала вас в машину и вернула домой, чтобы там вас наказать, уж коль есть такая надобность.

– Аэлита не из тех, кто отсиживается в засаде, она атакует при первой возможности.

– Но мы же уже с вами решили, что она не станет разносить здание в щепки, брать нас в заложники и травить газом. – Мира была очень терпелива с Антоном. Говорила с ним, как с ребенком. Все мужики – дети, а этот еще и напуган.

Госпожа Салихова сочувствовала Марку Антонию, про себя она называла его именно так, но считала, что он дал слишком много воли своим страхам. Нельзя так распускаться. Не баба же... Да и бабе нельзя распускаться.

– Я похож на психа, да? Страдающего манией преследования пациента спецлечебницы?

– Нет. Но успокоительные таблеточки вам бы не помешали.

– Они мне уже не помогают, хотя принимаю самые сильные. А вот разговор с вами меня умиротворил.

– Seriously?

– Да. Я как будто немного расслабился.

– Вот и прекрасно, – обрадовалась Мира. Она даже поверила в себя как в психолога, хотя диплом, можно сказать, купила. – Значит, мы с вами сейчас пьем еще по одной чашке чаю и укладываемся спать.

Антон вопросительно воззрился на Миру. Сообразив, что ее последняя фраза прозвучала двусмысленно, она поспешно добавила:

– То есть вы отправитесь в спальню, в которую вас определили, а я останусь тут и лягу на диване. А вы о чем подумали?

– Да вот как раз об этом... То есть о спальне... В которую меня определили.

– Чем она вам не нравится?

– Комната прекрасная, но там дамы.

– Вы их стесняетесь?

– Не хочу стеснять их. И, повторюсь, подвергать опасности. Мало ли что взбредет в голову моей жене. Если она знает, где я, может послать за мной кого-то из своих мальчиков, она называет их телохранителями. И в этом случае мне лучше спать где-нибудь в отдельном помещении. Ведь их тут много, не так ли?

– Да, здание большое. Раньше при центре были даже ясли. Мы принимали женщин с

детьми. Кроме доктора Назарова была еще медсестра. На кухне работал повар. И охранялся центр круглосуточно. Но бюджет пришлось урезать вдвое. И теперь ни яслей, ни медсестры, ни повара, ни ночного охранника. Хорошо еще, что не закрылись.

Мира встала из-за стола, взяв ключи, на нем лежащие, и проследовала к двери.

– Пойдемте, я покажу вам комнату, где вы будете спать сегодня.

Антон последовал за Мирой.

На связке, принадлежащей Лолите, кроме ключа от кабинета имелось еще два: от нестораемого шкафа и детской комнаты, яслей, как они ее называли. Остальные хранились в ящике на стойке администратора. Он был закрыт на кодовый замок. Комбинацию цифр Мира не помнила. Конечно, можно было узнать, но зачем, если есть ключ от яслей. Лолита его повесила на свою связку, когда занялась коммерческой деятельностью. Она продавала какие-то чудодейственные препараты для похудения, проверенные на себе. Планировала сделать большие деньги. Поэтому закупила порошков и таблеток столько, что они заняли целый угол в детской комнате, а выручку намеревалась класть в нестораемый шкаф. Тогда свою связку ключей Лолита на хранение в ящике не оставляла, всегда с собой носила. Но бизнес не пошел. Снадобья помогли ей – Лолита стала такой же стройной, как в молодости, – а остальным нет. И чудо-порошки до сих пор стояли там, куда их сгрузили. Выкидывать жалко, столько средств вбухано. Но и распродать проблема. На пробу некоторые «сестры» брали то таблетки, то порошки, но за добавкой никто не возвращался.

Ясли находились в отдалении от основных помещений. Мира проводила Антона до места, отперла дверь.

– Кровати тут маленькие, – предупредила она, – но можно сдвинуть несколько.

– Не беспокойтесь, я устроюсь. Спасибо вам. – И, схватив ее руку, свободную от ключей, горячо поцеловал.

– Так что, еще по чаю?

– Нет, спасибо, я лягу сразу после того, как заберу свой рюкзак из спальни и сооружу себе лежбище. Знаю, еще час не поздний, но устал просто мертвецки.

– Понимаю вас. Я, честно говоря, тоже. – Мира не грешила против истины. Она была совсем без сил. Ее вымотал перелет из другой, пусть и недалекой страны. Но больше переживания. О Кренделе она вроде бы и не вспоминала последние полтора часа, но он, скотина, напомнил о себе, едва Мира переключилась. – Спокойной ночи, Антон.

– И вам, Мира.

И госпожа Салихова ушла.

Когда проходила мимо спален, слышала голоса и смех. «Сестры» чувствовали себя комфортно в ее центре. Обжились. А та же Лидуся, можно сказать, корни пустила, и теперь как мать-настоятельница. Значит, все было не зря.

Умиротворенная этой мыслью, Мира зашла в директорский кабинет и, забыв запереть дверь, плюхнулась на диван. Через пару минут она уже спала.

Глава 4

Маша боялась темноты!

Очень, очень, очень боялась.

Поэтому всегда спала со светом.

Потревоженная каким-то шумом, Маша проснулась. Несколько секунд она

балансиrowала на грани между явью и сном, затем открыла глаза...

И увидела черноту!

Непроглядную. Вязкую, точно гудрон.

Маша решила, что перегорела лампочка ее светильника, и стала лихорадочно шарить по стене, на которой имелся выключатель. Нащупав его, надавила на кнопку. Ничего не изменилось.

Маша завертела головой, желая найти красный огонек работающей камеры, чтобы сориентироваться, где дверь, но и он не горел. Значит, электричества нет во всем здании. Поняв, что ее окружает крошечная тьма, Маша закричала.

Тут же раздалось обеспокоенное:

– Что случилось? – Маша не узнала голоса и испуганно спросила:

– Кто это?

– Соня.

– Какая еще Соня? – еще больше разволновалась Маша. Среди «сестер» не было женщин с таким именем.

– Да в смысле, сплю, как бегемот, а что-то случилось, раз ты кричишь? – не очень уверенно и слишком торопливо ответили Маше. – Я Ирина. Ирина Потехина.

– Вы чего расшумелись, девочки? – простионала Зоя. Ее голос невозможно было спутать ни с каким другим, она растягивала букву «е», как будто бляла. Маше первое время это резало ухо, но потом она привыкла.

– Света нет! – всхлинула Маша. – Все здание обесточено. Видите, камера не мигает?

– Авария, значит, – спокойно заметила Ира. – Ничего страшного...

– Я не могу в темноте! С ума сейчас сойду.

– Тоже мне проблемы, – фыркнула Зоя. – Включи сотовый телефон, экран осветит пространство.

– У меня нет его.

– Хорошо, я дам тебе свой, только успокойся.

Послышалась возня. И через несколько секунд мрак разрезал тонкий лучик света.

– У меня телефон с фонариком, – сообщила Зоя и, поднявшись, подошла к Машинной кровати. – Держи.

– Спасибо, – поблагодарила она «сестру», вцепившись в старенький аппарат.

– Только он гаснет через каждую минуту, и нужно вновь на кнопку нажимать, так что не поспишь.

– Ничего, скоро рассвет, я дождусь его и потом лягу. Надо только жалюзи открыть, чтоб скорее...

– Не дам! – вскричала женщина, чья кровать стояла у окна. Звали ее Галиной. Самая старшая из всех «сестер», она была черствой и склочной. Лично Маша считала, что от мужа ей доставалось именно за дурной характер. Но когда она вслух высказала свою мысль в разговоре с Лидусей, то заметила, что, возможно, все наоборот. Галина очерствела и превратилась в скандалистку за долгие годы, проведенные под одной крышей с дебоширом. – Да сколько можно? То она всю ночь огонь жжет, то теперь ей еще окна распазить, чтоб мне в глаза солнце било. О других не думаешь? Я, может, как раз со светом спать не могу. Но как-то приспособилась...

– Перестань, Галя, – с упреком проговорила Зоя.

– А чего перестань? Мы тут все в равных правах. Почему я должна терпеть неудобства, а

она нет?

– Но у нее фобия, понимаешь?

– С фобиями в дурдом.

– Давайте успокоимся, – проговорила Ирина. – А то сейчас мы перебудим людей в соседних спальнях, и тогда темноты будут бояться целых двенадцать человек.

– Тринадцать, – поправила ее Зоя.

– Тем более. Я предлагаю девочкам поменяться на короткое время кроватями. Маша посидит на кровати у окна, а Галя поспит у двери.

– Еще не хватало, – не стала сдавать своих позиций Галина. – Я останусь на своей кровати, а госпожа «фобия» пусть пойдет в фойе или комнату отдыха и дождетя рассвета там. Какая ей разница, где не спать?

– Я не смогу остаться там одна, – едва не разрыдалась Маша. – Среди темноты... Тут я слышу ваше дыхание, храп, возню... Я понимаю, что не одна. Пожалуйста, не выгоняйте меня из комнаты.

И заплакала.

Никто из «сестер» и подумать не мог, что еще четыре года назад Маша обожала и одиночество, и темноту. Она была сталкером. Спускалась в тоннели и могла проводить там по несколько дней. Обычно в долгие экспедиции отправлялась с компанией, реже в паре со своим лучшим другом Буром, который мог проникнуть так далеко под землю, как никто. А если «погружение» планировалось на несколько часов, Маша любила делать это в одиночку. Тогда она носила дреды зеленого цвета, серьги в бровях, грубые джинсы и ботинки. Она считала себя бесполом существом и выглядела соответственно: ни макияжа, ни лифчиков, ни прочих женских штучек, разве что «тампакс», который вынуждена была использовать каждый месяц. Звалась она тогда не Машей, а Марли. А все из-за любимой куртки из камуфлированного брезента, которую сшила сама, стачивая детали на допотопной, но работающей исправно уже около ста лет машинке «Зингер». На спине куртки имелся портрет основателя регги Боба Марли. Он был написан флуоресцентными красками и светился в темноте. Портрет нанес на материал Бур, зарабатывающий на жизнь росписью авто и мотоциклов. Он слыл одним из лучших в Москве аэрографов.

Маше было двадцать три, когда в их компании появился ОН. Компания сталкеров сидела у костра на территории заброшенного НИИ. Собирались спуститься в его подвалы и бомбоубежище. А пока ждали, когда все соберутся, жарили на палочках грибы, которых на территории оказалось великое множество. Крепкие, красноголовые подосиновики даже в сумерках были отлично видны, и Марли с двумя товарищами насобираала целый пакет.

ЕГО привел Бур. И еще двоих – парня и девушку. Стали знакомиться. Все представлялись прозвищами. И только ОН именем. Причем полным.

Владимир. Так звали мужчину, из-за которого Маша начала бояться темноты и одиночества. Он оказался телевизионным режиссером-документалистом. Решил снять кино про сталкеров. Но сначала хотел присмотреться, потому что тема была не новой. По многим каналам уже показывали сюжеты о таких, как Бур и Марли.

Владимиру было около тридцати. Но выглядел он солидно. И это несмотря на то, что был худошавым, небритым, чуть патлатым, одетым в то же, что и остальные. Но держался Владимир отлично ото всех. С достоинством, как подумалось тогда Маше. Со скрытым самолюбованием, как думалось теперь.

Поев подосиновиков, группа последовала к зданию.

– Держись за Марли, – велел Володе Бур. – Даже если наши фонари погаснут, ее Боб будет еще некоторое время светиться в темноте.

ОН кивнул и улыбнулся Маше. Она хмуро кивнула. Ей не нравилось то, с какой радостью она восприняла то, что Владимир будет держаться ее. Маша почти всегда страховала новичков, и это не было почетной обязанностью, скорей доукой.

«Погружение» удалось. Хоть они и не нашли секретных документов (НИИ работал на оборонку), но было интересно. Особенно всем понравилось в бомбоубежище, где удалось найти запасы тушенки и кильки в томатном соусе. Кто-то даже осмелился попробовать консервы, но тут же выплюнул, потому что все испортилось.

Покинув территорию НИИ, Марли распрощалась со всеми и пошла к своему скутеру. Уселась, напялила шлем, завела мотор и готова была стартовать, как из темноты вынырнул Владимир.

– Не подбросишь меня? – спросил он.

– Ты ж с Буром приехал на авто.

– Да, но он адски водит, я не хочу снова оказаться в его машине смерти.

Маша усмехнулась. Бур на самом деле гонял так, что кого-то даже выворачивало, просто как в фильме «Такси». Хотя предельную скорость Бур выжимал только за пределами города, где они как раз сейчас и находились.

– Хорошо, садись. Но учти, я тоже люблю погонять.

– Тебе я доверяю. Ведь ты страховала меня несколько часов.

Оказалось, они жили на соседних улицах. Маша с отцом, сестрой, ее мужем и их двухлетним сыном, а Владимир один. И когда она подвезла ЕГО к подъезду, он позвал ее к себе на чай. Знаем мы этот чай, подумала Маша. Но приглашение приняла. К ее удивлению, Владимир вел себя по-джентльменски. Она хоть и позиционировала себя как существо бесполое, парни ее иногда домогались. У Маши было очень симпатичное лицо с огромными карими глазами, тонким носиком и родинкой над верхней губой. Зеленые дреды отвлекали от него внимание, но не всех. А кто-то даже под бесформенной одеждой умудрялся рассмотреть округлую попку и тонкую талию.

Попив чаю и посмотрев дипломный фильм хозяина дома, Маша засобиравалась домой.

– Да куда ты среди ночи? Оставайся у меня. Постелю тебе на диване.

Она нахмурилась.

– Не беспокойся, приставать не буду, – по-своему расценил ее гримасу Владимир. Маше бы подыграть, а она выпалила:

– Я что, такая страшная?

– То есть ты хотела бы, чтоб я...

– Нет, мне просто интересно. Я – женщина. Ты – мужчина. И это было бы естественно...

– Какая же ты женщина, Марли? Ты бесполое существо. Невероятно красивое, интересное, умное, притягательное... – В глазах Владимира читалось истинное восхищение. – Но ты не женщина.

Многие годы Марли потратила на то, чтоб ее воспринимали именно так. А теперь ей этого совершенно не хотелось. С Буром они занимались сексом иногда. И это было... прикольно. Не так, как спускаться в заброшенный тоннель, но... Не хуже, чем смотреть отличный фильм. То есть секс для Марли был не так уж важен, хоть и занимателен, но сейчас ей нестерпимо хотелось секса. И только с Владимиром.

Она сорвала с себя мешковатый свитер с горлом, майку-тельняшку. Стянула штаны, носки, трусы. И предстала перед Владимиром совершенно голой.

– А так? – с вызовом спросила она.

– Беру свои слова назад, – кашлянув, ответил он.

– Тогда, может быть, мы ляжем в одной кровати?

– Нет. На полу. Прямо тут. И спать мы не будем. – Владимир так же быстро, как и Маша, разоблачился и прошептал: – Иди ко мне...

Они занимались сексом до рассвета. Но все же уснули, пусть и на пару часов.

– Ты красивая, – сказал Владимир, когда они пробудились, и он, убрав от лица ее дреды, пристально посмотрел на Машу. – А сразу и не скажешь. Зачем ты себя уродуешь?

– Я не считаю, что уродую.

– Брось. Ты намеренно убиваешь в себе прелесть и женственность. Мне непонятно зачем. Ведь ты же куколка.

– Я прежде всего личность.

– За зелеными патлами и железками в бровях личность разглядеть так же трудно, как и за выбеленными локонами и накладными ресницами. Я не призываю тебя прихорашиваться, я хочу, чтоб ты была собой.

– И я хочу быть собой! – Марли вскочила. – Поэтому я такая. Ясно?

И унеслась в ванную.

Владимир больше не «погружался» с ними. Тема показалась ему неинтересной. Но он продолжал видеться с Машей. А как-то, когда они по привычке валялись на полу его квартиры после секса, он сказал:

– Жаль, что ты не хочешь избавиться от своего безобразия на голове и вынуть сережки из бровей.

– Это мое. Мне так нравится. Сколько можно говорить об этом?

– Нет, я не настаиваю на том, чтоб ты изменилась. Просто я хотел познакомить тебя с самым дорогим мне человеком, моей бабушкой, а в таком виде я тебя не могу ей представить.

О бабушке Владимира Маша слышала сотню раз. Бабушка являлась его кумиром. Женщина, родившаяся сразу после революции в голодающем Поволжье в многодетной крестьянской семье, она не только выжила, но преуспела. Смогла получить не только среднее, но и высшее образование. Потом еще одно. И выйти замуж за генерала-вдовца. Уже не юная, не особо красивая, смогла отвоевать своего генерала у молодых, шикарных, именитых, даже звездных – была у генерала любовница-артистка, но женился он на бабушке Владимира.

– Ей почти сто лет, – продолжил Владимир, будто Маша не знала об этом. – Она мечтает познакомиться с той, кто царит в моем сердце. Но она человек старой закалки, я не могу представить ей... ты уж извини... кикимору болотную.

– Нет так нет, – беспечно пожалала плечами Маша.

Но слова Владимира ей не давали покоя. Она, Марли, царит в его сердце! И он мечтает познакомить ее с бабушкой. Значит, у него далекоидущие планы на ее счет. Вообще-то Маша о замужестве никогда не думала. Брак не привлекал ее. Ее родители вечно ругались, пока мать не сбежала. А сестра с мужем хоть и жили мирно, но так скучно, хоть вой. Марли хотелось свободы и вечного драйва... До того как она встретила Владимира. Сразу после первой ночи, проведенной вместе, она стала думать о том, как было бы здорово жить вместе. Он познакомил бы ее со всеми своими фильмами, а также с теми, о которых взхлеб

рассказывал, она показала бы ему самые крутые тоннели. Она научилась бы варить борщ (совсем необычный мужчина обожал обычную еду), а он стал бы кататься с Машей на роликах. Они гоняли бы по парку, потом уплетали суп. И занимались сексом. Который оказался занятием таким увлекательным, что, если б Марли поставили перед выбором – секс или «погружение», она помешкала бы, прежде чем выбрать последнее.

После разговора с Владимиром она подолгу замирала у зеркала и смотрела на свое отражение. Кикимора? Да, пожалуй. Но со своими темно-каштановыми волнистыми волосами она чересчур смазлива. А уж если накрасится, то... Та самая куколка, с которой сравнил ее Владимир. Но она не такая! Она независимая, сильная, бесстрашная. Не Барби!

Но и не кикимора...

И Маша сходила в парикмахерскую, чтобы сделать себе короткую стрижку. Когда она предстала перед Владимиром в новом образе, он аж задохнулся от восхищения.

– Какая ты... Машенька, у тебя идеальной формы череп, кроме всего прочего. А как скулы заиграли. С тебя только картины писать. Ты просто Одри Хепберн в ее лучшие годы.

– Теперь меня можно бабушке представить?

– Конечно. Но железки тоже сними. Потом вставишь обратно.

С бабушкой они, увы, познакомиться не успели. Бабушка умерла. Но на похоронах Маша стояла рука об руку с Владимиром, и все понимали, что они пара.

Вскоре Маша переехала к нему. Но жизнь совместная оказалась не такой, как ей представлялось. Единственное, что было в ней, – это борщи. Маша научилась готовить и супы, и плов, и жаркое – все то, что любил Владимир. Он же категорически отказался «погружаться», кататься на роликах, а фильмы они редко смотрели вместе, потому что Владимир поздно приходил. При этом Маша должна была ждать его дома, а не мотаться где-то. Обычно она уже спала, когда Володя возвращался. И не вставала, чтобы накормить ужином. Но он не роптал. Володе нравилось подбираться под ее бочок, обнимать крепко и тут же засыпать в умиротворении.

Марли все реже отправлялась в экспедиции, пусть и короткие. И друзей почти всех растеряла. Жаль было только Бура. Но Владимир, узнав, что между ними были отношения (Маша сболтнула по глупости), поставил условие – перестать общаться с Буром.

Чуть больше года они прожили вместе, когда любимый предложил съездить в одно интересное место. Это так и прозвучало – одно интересное место. Маша поинтересовалась, куда именно, но Володя туманно ответил – сюрприз. И они отправились туда, не знаю куда. Ехали долго, часа три. В соседнюю область попали. И когда остановились возле руин старинной усадьбы, Владимир сказал:

– Где-то тут спрятаны сокровища.

Марли слышала эти байки много раз. Они с друзьями обшарили множество старинных зданий, подвалов и обвалившихся ходов в поисках кладов. Но ни разу не нашли что-то заслуживающее внимания. Утварь, монеты, пару не самых дорогих украшений – вот и все, что удалось отыскать.

– С чего ты взял? – стараясь сдержать разочарование, поинтересовалась Маша. Она-то думала, ее привезут к воздушному шару, попав в корзину которого она получит предложение руки и сердца.

– Я тут снимал одну старуху занятную. Мы фильм о людях голубых кровей, что отбросами стали, делали. Какая тема, а? Представь, еще сто лет назад их фамилии гремели, а сейчас они как пустой звук. Дедушки были князьями, а правнуки жестяные банки сдают за

рубль. И вот старуха рассказала, что дед ее спрятал сокровища под домом, в одном из подвалов.

– Что ж она их не достала?

– Не смогла. В Великую Отечественную в дом бомба попала, видишь, как разворотило его.

– Значит, и фундамент осел. То есть разворочены, если можно так сказать, не только вершки, но и корешки.

– Но ты же сталкер, милая. Ты проходишь там, где другие не могут.

– У меня даже снаряжения с собой нет.

– Я все захватил, не волнуйся.

– Ты веришь сумасшедшей старухе? Да она придумала эту историю.

– Скорее всего, но представь, как оживит наш фильм поиск сокровищ. Я взял камеру. Так что мы в любом случае не внакладе. И заметь, оба. Ты же обожаешь лазить под землей.

Крыть было нечем, и Марли согласилась на авантюру.

Владимир, как оказалось, взял не только оборудование и камеру, но и знаменитую куртку. Светящийся Боб Марли в кадре смотрелся отлично. Подготовившись, они полезли в руины.

Часа два потребовалось, чтобы спуститься вниз. Вся работа по поиску путей, их исследованию и первопрохождению лежала на Марли. Владимир следовал за ней и снимал. Когда они углубились метров на пять-семь, стало ясно, что пути дальше нет.

– Возвращаемся, – сказала Марли.

– Но почему? Приключение только начинается.

– Ходы засыпаны.

– Давай разберем.

– Это опасно. Сдвинем одну балку, посыплются другие.

– Струсил?

Впоследствии Маша, проигрывая эту сцену сотни тысяч раз, думала, почему она не ответила утвердительно. Что в этом сложного? Сказать «да», признав свою слабость...

Но она всегда стеснялась демонстрировать слабости. И ладно перед товарищами-сталкерами, в компании которых не принято делить людей на сильных и слабых по половому признаку. Но перед любимым тоже. Поэтому Марли первой взялась разбирать завал. Водрузив камеру на выступ в стене, Володя присоединился к ней.

Они смогли пробиться через завал и углубились еще на пять метров. Казалось, перед ними открылся бездонный колодец. Но это были просто развалины старинного особняка с просторными погребями и подвалами. Пожалуй, Марли насладились бы этим «погружением», если бы не бомба. Раз она упала на дом и разрушила его, где-то тут глубокая воронка.

Вдруг Владимир остановился и схватил Машу за руку.

– Смотри, что там! – И указал на раскуроченную стену в конце коридора. В стене зияло отверстие, а в нем...

Неужели?

Там стоял деревянный сундук! Небольшой, размером с допотопный катушечный магнитофон, Машина бабушка на такой записывала песни из «Утренней почты» и не позволяла выбрасывать ни его, ни катушки. Сундук, весь пыльный, грязный, покрытый плотной паутиной, буквально загнипнотизировал Владимира.

– Это они, – прошептал он. – Графские «нычки», то есть сокровища...

– Может, да, может, нет, – остудила его пыл Маша.

– Да они, они, я чувствую! – Володя сделал несколько шагов вперед, но резко остановился, увидев дыры в полу. – Давай ты возьмешь сундук, а я тут останусь и буду снимать. Только будь осторожна.

– Нет, ты должен страховать меня. Тут все шатается, крошится, рушится. Мы сделаем связку. Обвяжем веревку вокруг туловищ. Если что, ты меня удержишь.

– Хорошо, давай.

Они сделали так, как хотела Марли. И она стала осторожно перемещаться ближе к сундуку.

– Лучше б тебе поставить камеру, – бросила она Владимиру, – и держать веревку двумя руками.

– Здесь некуда. Но ты не волнуйся, я начеку.

Но она волновалась, хотя и не подавала виду. Владимир был слишком беспечен... Или же? Ослеплен блеском сокровищ, которые, как ему казалось, были уже его. В случае, если б в сундуке оказались именно монеты и драгоценности, Владимир присвоил бы графские «нычки» и удалил бы отснятое. Он страстно желал озолотиться. И его нельзя было в этом винить. Каждый мечтает о богатстве. Но не всем жажда наживы застилает глаза...

Маша и думать не думала, что между ней и сокровищами Владимир выберет не ее. Но так оказалось. Когда она взяла сундук, раскуроченные дубовые перекрытия проломились, а любимый не сразу перехватил веревку. Упершись ногами в стену, он сначала подтянул к себе «графскую нычку», которую Марли выронила, а не утащила с собой. Но поскольку время было упущено и поднять Машу у него не хватило бы сил, Володя...

Перерезал веревку.

Вопрос стоял так: либо Маша утаскивает его за собой в бездну воронки, образовавшейся на месте взрыва бомбы, и они погибают оба, либо он дает ей умереть и остается в живых. Володя собой рисковать не стал. Схватил сундук и унес ноги. А Маша...

Маша рухнула на дно огромной ямы и потеряла сознание от боли.

Когда девушка очнулась, то, открыв глаза, увидела лишь черноту. Вязкую, как гудрон. Однажды в раннем детстве Маша забралась с ребятами из своего двора на стройку. Все ребята были старше, лет по десять-тринадцать, тогда как ей едва исполнилось семь. И кто-то из компании макнул ее в бочку с гудроном. Маша помнила, как увязало ее лицо в черноте, как ей казалось, что чернота засосет ее через пару минут целиком. К счастью, ребята одумались, вытащили девчонку из бочки, кое-как оттерли ее и проводили до дома, умоляя никому из взрослых не рассказывать о случившемся. Она и не рассказала. Мало ли что бывает во время детских игр. И страх перед чернотой забылся. Но воскрес, когда Маша очнулась на дне воронки.

Она закричала:

– Володя! Помоги!

Но ни единого звука в ответ не услышала.

Маша потянулась к поясу, на нем она всегда крепила фонарь и нож. Но фонарь разбился, а нож ей ничем не мог помочь. Она пошевелилась и закричала вновь, уже от боли. Одна нога точно сломана, причем в двух местах. Еще кисть. И, возможно, ребра.

– Вова! – завопила что есть силы Маша. – Где ты? Неужели ты бросил меня?

Но ответ был очевиден. Бросил. Нет, Маша не сомневалась в том, что, если б ее

спасение требовало небольших усилий, Владимир бы ее спас. Но тут другая история. Требовалось рискнуть собой...

Рискнуть собой человеку, который перерезал веревку, что угрожала утащить его в яму.

Марли сдалась не сразу. Она пыталась перемещаться, чтобы отыскать выход. Ей думалось, что под этим особняком могли быть подземные ходы и если она найдет какой-нибудь, то выберется на поверхность. Но куда бы она ни ползла, везде натыкалась на препятствия: земляные или каменные. А боль все разрасталась...

Выбившись из сил, Маша упала на спину и стала ждать смерти. Но смерть не шла. Как и беспомощность. Ни боль, ни потеря крови не вызвали повторную потерю сознания. Шок держал девушку в напряжении. А темнота в страхе. Спасибо балке, которая рухнула на голову. Благодаря ей Маша смогла провалиться в блаженное беспомощность.

И очнулась уже в больнице. У ее кровати сидел мужчина. И это был не Владимир, а Бур. Он нашел Машу и вытащил. Причем один, потому что спешил ее спасти, а все, кого он позвал на подмогу, прибыли на место слишком поздно. Как рассказал Маше товарищ, Володя позвонил, сообщил, что они попали в передрыгу, но он смог выбраться, а его любимая нет. Сам он здорово пострадал, и его везут в больницу, но если Бур может, то пусть попробует отыскать Марли. Вернее, ее останки. Если не выйдет, пусть звонит в полицию, потому что Володя будет в реанимации и не сможет сделать этого сам.

– Все это так странно, – качал головой Бур. – Если он вызывал «Скорую», почему не позвонил в МЧС? За твои поиски должны были взяться сразу. Ты могла от потери крови умереть. Когда я тебя нашел, ты едва дышала.

– Он бросил меня подыхать, Бур, – сдавленно проговорила Маша. – Думал, что я уже разбилась. И стал спасать свою шкуру. Когда выбирался, наверняка поранился. Но не так сильно, чтоб в реанимацию попасть. Головушку разбил или лапку повредил и поехал в больничку. А там вдруг вспомнил обо мне. И набрал тебя.

– И больше ни разу. Ты тут уже двое суток. Я звонил ему все это время, телефон выключен.

– Володя же в реанимации, – насмешливо бросила Маша.

– Марли, ты же так любила его и не позволяла никому слова дурного отпускать в его адрес... Что случилось? Да, запаниковал парень. Бывает. Но ты просто монстром его выставляешь...

– Он бросил меня подыхать! В буквальном смысле!

– Не понял?

– Владимир перерезал страховочную веревку, чтоб я не утащила его за собой.

– Я ему башню снесу! – прорычал Бур.

– Не марай рук. Прошу.

На этом их разговор прервали, поскольку Маше требовались новая капельница и покой.

В больнице она провалялась почти месяц. Вышла из нее, опираясь на костыли. Владимир, что характерно, даже навестил свою невесту один раз. Недели через полторы после того, как Маша попала в больницу. Сказал, что раньше не мог, был на грани жизни и смерти. Когда Марли провалилась, он изо всех сил пытался ее вытащить, но снес ногами стену, на него упали камни, один из них перебил веревку, он подал это так, как будто Маша не знала, как все произошло на самом деле, рассказывал, как сам едва уполз. Но до этого, конечно же, предпринимал несколько попыток по спасению любимой. И лишь когда они не увенчались успехом, стал пробираться к выходу.

– Что в сундуке было? – единственное, о чем спросила Маша.

– Ты не поверишь... – И Володя достал из сумки деревянную дощечку, на которой было написано: «Сие здание по проекту архитектора Фернандо Россетти было заложено в 1815 году от Рождества Христова».

Маша рассмеялась. Хрипло, громко. Звук получился такой, будто ворона в окно залетела и раскаркалась. Владимир недоуменно на Машу уставился.

Истерика? Да, это была именно она.

– Как в «Двенадцати стульях», – резко оборвав смех, проговорила Маша. – Помнишь дощечку в одном из них? – Володя кивнул. – Но мне наша с тобой история больше напоминает финал этого произведения. Киса перерезал горло Осе, чтобы заполучить сокровища, а ты перерезал веревку... И точно как Воробьянинов остался ни с чем!

– Маша, прошу, потише.

А она и не заметила, что перешла на крик.

– Что, стыдно? – Машу несло, и она не могла остановиться. Хотелось причинить Володе столько же боли, сколько он принес ей. Хотя она понимала, это невозможно. Он ее предал, а она всего лишь открывает ему глаза на самого себя. – Не хочешь, чтоб все узнали, какое ты сыкло? Недомужик! Тварь двуличная! Обрек меня на смерть, а теперь строишь из себя благородного рыцаря. Причем не меня убедить хочешь в этом, а себя!

– Я позову медсестру, – пробормотал он и поспешно встал. – Тебе нужен успокоительный укол.

И унесся, провожаемый криками Маши. Через пару минут в палату влетела сестра и вколола ей в вену что-то, что погрузило ее почти мгновенно в безмятежность.

Больше Володя ее не навещал. Более того, он собрал вещи Маши и отправил ее отцу. После этого сменил замки и номер телефона. Думал, Марли будет его преследовать? Пожалуй. Но ей было не до этого. Все силы девушки уходили на восстановление, как моральное, так и физическое. Физиотерапевт и психолог стали самыми близкими людьми Маши. Но до конца ее так и не излечили. Нога до сих пор побаливала, и никуда не делся страх перед темнотой. Однако спустя год после происшествия она поняла, что может с этим жить. Но не так, как раньше. Больше Марли не могла заниматься тем, что ее так увлекало, и из-за этого потеряла связь со своим лучшим другом Буром. И новых отношений опасалась. Поэтому отвергала всех мужчин, что пытались с ней сблизиться.

Она почти забыла о Владими́ре, когда он напомнил о себе.

Маша возвращалась с работы (у нее было отличное образование и светлая голова, с трудоустройством проблем не возникло) и увидела возле подъезда знакомую машину. Хотела убежать, да не успела. Из салона показался Володя. Он изменился. Теперь его борода была ухожена, лохмы собраны в хвост и даже, как показалось Маше, покрыты лаком. Но достоинства в Володе она не увидела, только позерство. Строит из себя невесть кого и любит себя, отлично представляя в силу профессии, как выглядит со стороны.

Видеть бывшего возлюбленного Маше было неприятно. Но она поймала себя на поразившей ее мысли, что Володя не может забыть ее, до сих пор любит и хочет помириться. Нет, она не простила бы его. Но ее душа согрелась бы. Однако Володя явился к Маше не за прощением. Оказалось, тот фильм, что он снял о княжеских отпрысках и поиске сокровищ одного из родов, вышел таким сильным, что его номинировали на несколько премий, половину из которых режиссер уже получил. Но самое главное, Владимир собирался отправиться со своим творением на престижный международный фестиваль, и это

обстоятельство сделало его не то чтобы популярным – заметным. У него стали брать интервью журналисты и приглашать на телепередачи в качестве гостя. К Маше же он явился, чтобы договориться. Владимир боялся, что, если он отхватит крутой приз на фестивале и станет-таки звездой, та, о которой в его фильме не упоминалось, заявит о себе и расскажет общественности правду о том, как на самом деле проходили поиски сокровищ. Маша послала Володю. Коротко, по-русски. На те самые три буквы. Но он не отстал. Маша замечала его машину то за углом своего дома, то на парковке возле офиса. Она не знала, просто ли он за ней следит или что-то задумал, поэтому решила на время выпасть из виду бывшего парня. И, взяв недельный отпуск, отправилась в благотворительный центр «Сила духа», узнав о нем от начальницы, сестра которой обращалась туда за поддержкой.

В центре Маша пробыла всего три дня, но, как оказалось, напрягла некоторых своим ночником. Ночник она привезла с собой. А еще пару футболок, трусиков, спортивный костюм и толстенный том «Хроник Амбера» Желязны, в котором имелись все книги серии. Ничего кроме этого. Ни телефона, ни компьютера, ни плеера. Но, как теперь выяснилось, нужно было с собой прихватить еще и фонарик.

– Девочки, у меня есть свеча! – услышала она голос Лидуси, когда волна паники при мысли об изгнании из общей спальни в темноту соседних помещений схлынула. – Правда, она ароматическая и кому-то может не понравиться запах сандала.

– Откуда она у тебя с собой? – недоуменно спросила Зоя.

– В соседнем здании открылась лавка с мелочами «хенд-мейд». Там куколки, керамика, вязаные салфеточки, бусики и в том числе свечи, сделанные вручную. Я купила днем одну в подарок.

– Доктору Назарову? – хихикнула «сестра».

– Вообще-то Лолите. Я заметила, что она любит древесные ароматы. Так что, я зажгу? Свеча горит мягко, уютно.

– Зажигай, – смилостивилась Галина.

Лидуся достала подарок директрисе и зажигалку. Раздался щелчок, затем Маша увидела крохотный огонек и наконец очаг того самого мягкого и уютного света, который дает свеча.

Маша сразу почувствовала себя в безопасности.

– Спасибо тебе большое, – поблагодарила она Лидусю. – Я завтра куплю три свечи. Тебе, Лолите и доктору Назарову.

– Да брось ты, – отмахнулась «сестра».

– Теперь нам можно спать? – проворчала Галя.

– А что-то и расхотелось, – заметила Зоя. – Может, покурить сходим?

Все отказались. Тогда Зоя крикнула:

– Афанасьевна, хватит делать вид, что спишь! Вставай, в библиотеку пошли, книжки я возьму.

Это она обратилась к пятой обитательнице их комнаты, учительнице, которая по привычке представлялась всем по имени-отчеству. А библиотекой они называли место для курения. Книжками, соответственно, сигареты. Этому Зою научила Афанасьевна. Она и ее коллеги именно так шифровались, наивно полагая, что ученики, если услышат, не поймут, куда и зачем направляются педагоги в перемены.

– Эй, ты чего молчишь?

Кровать Афанасьевны так же, как и Машина, находилась у двери, и разделяло их метра три от силы. Свет, который давало пламя свечи, позволял Маше видеть «сестру». Она лежала

лицом к стене. Одеяло натянуто до половины лица. Афанасьевна любила зарываться в него иногда даже с головой. Ноги голые торчат, а то и задница, а шея и уши всегда в тепле.

– Маш, толкни ее, – попросила Зоя.

Маша встала и сделала несколько шагов по направлению к соседней кровати.

Но остановилась на расстоянии вытянутой руки.

Маша не увидела чего-то страшного, даже настораживающего. Спит человек в привычной позе, на боку, подтянув к груди ноги; отвернувшись к стене, зарывшись в одеяло. А что не слышит ничего, так объяснений этому может быть как минимум два: беруши и снотворное. Но Маша почувствовала – что-то не так.

И снова волна паники накатила и едва не снесла.

– Что-то не так, – сдавленно проговорила Маша, озвучив свои предчувствия.

– Да мы уже поняли, что именно: свет отключили. – Зоя, достав «книги» и накинув на плечи шаль, встала с кровати. – Ты Афанасьевну буди...

Но Маша не могла себя заставить дотронуться до женщины. Тогда Зоя, оттолкнув ее, прошла к изголовью кровати, склонилась над подушкой и гаркнула:

– Рота, подъем!

– Она неживая, – прошептала Маша.

– Чего ты несешь? – фыркнула Зоя и, взявшись за угол одеяла, рванула его в сторону.

Хоть света в комнате и было очень мало, но все увидели кровавое пятно на постельном белье. Его в первую очередь, потому что пятно было огромным. А уж потом рану на шее Афанасьевны. Ее горло было перерезано от уха до уха.

– Опять! – выдохнула Лидуся. – Это опять случилось!

И с высоты пусть и небольшого своего роста рухнула на пол.

Глава 5

Госпожа Салихова, на несколько секунд забывшая о том, что в кабинете находится не одна, вздрогнула.

– О чем вы спрашивали, напомните? – обратилась она к своему собеседнику.

– О том, хорошо ли вы знали покойную, – терпеливо повторил опер. Он представлялся Мире, но она забыла и имя с отчеством, и звание. Поскольку полицейский был похож на Сэма – друга Фродо из «Властелина колец», то про себя Мира прозвала его Хоббитом.

– Я не знала ее вовсе. Повторяю, я редко бываю в центре. Главная тут директор, Лолита, и ей уже позвонили.

– А что вас привело сюда сегодня?

– Я, как Мороз-воевода из детского стихотворения, дозором владения свои обхожу иногда.

– В отсутствие директора?

– Так получилось.

– Как я узнал, в тот раз, когда в вашем центре погибла одна из обитательниц, вы также были тут.

Мира кивнула. Она посещала центр раз шесть, но ночевать здесь оставалась лишь дважды и...

В эти именно ночи не своей смертью погибли женщины. «Сестры».

– Мне нужно звонить адвокату? – спросила Мира. – Если я у вас первая подозреваемая,

так и сделаю...

– Пока мы с вами просто беседуем, госпожа Салихова, – сделал кислую мину Хоббит. Его полные щеки повисли, как у пса породы боксер. – Но если вам будет спокойнее отвечать на мои вопросы в присутствии адвоката, звоните ему, и мы начнем официальный допрос.

Госпожа Салихова решила, что беседа лучше допроса, и пока она сама справляется, можно обойтись без юриста, и поинтересовалась:

– Что вы еще хотели узнать?

– Прошное дело вы замяли?

– По факту смерти первой женщины?

– Гражданки Симоновской Ларисы Алексеевны.

– Я все равно не запомню, – отмахнулась Мира, – у меня чудовищная память на имена. В общем, по факту ее кончины было проведено расследование и...

– Смерть была признана самоубийством, я читал материалы. Но дело закрыли слишком поспешно, тяп-ляп, я бы сказал. У меня возникла мысль, что тут не обошлось без взятки.

– Так-то вы относитесь к своим коллегам? – насмешливо проговорила госпожа Салихова. – Видите в них оборотней в погонах? Или сейчас как-то иначе называют нечистых на руку полицейских?

Хоббит подпер свой круглый подбородок кулаком и в упор посмотрел на Миру. Взгляд был усталый. Белки красные от недосыпа. Ей стало жаль этого пухлого, плохо одетого мужика с тонюсеньким обручальным кольцом из турецкого «золота», в котором больше меди, чем драгметалла. Судя по возрасту, опер уже пенсионер, мог бы уйти со своей собачьей службы и устроиться в охрану, но продолжает ловить преступников, потому в профессию пошел не за рублем и льготами, а по призванию.

– Ни я, ни мои доверенные люди не давали денег следователю, – смягчилась Мира. – Мне нужна была только правда.

– Но если б оказалось, что женщину убили... Это, кроме всего прочего, скандал.

– Мне ли бояться скандалов? – хмыкнула госпожа Салихова.

– Сразу после случившегося вы установили камеры в помещениях, так?

– Совершенно верно.

– Которые сегодня не работали, потому что здание было обесточено.

– Это была не авария на подстанции?

– Нет, электрощиток оказался выключен. На какую мысль вас это наталкивает?

– Некто вырубил свет во всем здании, чтоб вывести из строя камеры.

– И это сделал убийца. – Хоббит открыл папку и пробежал глазами по какой-то бумаге. – Предыдущая жертва, между прочим, спала на той же кровати, что и теперешняя.

– Но та покончила с собой, и эта, судя по всему, тоже. Я своими глазами видела скальпель в руке мертвой Марины Афанасьевны.

– Скальпель, лежащий рядом с рукой, – внес уточнение Хоббит.

– Выпал, наверное, когда кто-то из «сестер» схватил покойную за плечо. Но был в руке. Вы поймите, у нас здесь все с травмированной психикой! – горячо воскликнула Мира. – Каждая из находящихся в центре женщин хоть раз думала о самоубийстве, а треть из них пытались свести счеты с жизнью. Вам доктор Назаров это подтвердит.

– А как быть со светом?

– Да мало ли кто мог его вырубить.

– Например?

Мира немного помялась.

– Между «сестрами» иногда вспыхивают романтические чувства...

– Сестрами? – переспросил опер.

– Девочки так себя называют. Так вот, мне Лолита рассказывала о нескольких образовавшихся на ее глазах парах. Якобы они среди ночи уединялись в комнате отдыха, чтобы заняться любовью на широких диванах, но там сейчас камера...

[Купить полную версию книги](#)

notes

Хабибти (хабиби) – арабское слово, обозначающее «моя любимая».